

Михаил Левин

ФАНТАЗИЯ

в tempo
rubato

*Роман-трилогия
о новейшем
матриархате.*

Первая часть

Украденное
время

Михаил Левин

**Фантазия в *tempo rubato*.
Роман-трилогия о новейшем
матриархате. Первая
часть «Украденное время»**

«Издательские решения»

Левин М.

Фантазия в *tempo rubato*. Роман-трилогия о новейшем матриархате. Первая часть «Украденное время» / М. Левин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933475-6

Интеллектуальная мистическая книга о чувстве, которое выше, чем любовь. Роман о редких отношениях между мужчиной и женщиной. О матриархальной тенденции в современном мире. О женщине. О созидательной силе и доминировании женского начала. О мужчине. О сильных сторонах мужского характера, которые многие считают слабыми. О его трудном пути к самому себе, без масок и театральных ролей. О России от восьмидесятых и до нулевых. О красоте, музыке, любви в жизни людей... О том, о чем эти люди мечтают!

ISBN 978-5-44-933475-6

© Левин М.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Гром в ноябре	6
Моп cheri...	15
Телеум Витте	40
Венеция – вдохновительница озарений	46
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Фантазия в tempo rubato
Роман-трилогия о новейшем матриархате.
Первая часть «Украденное время»

Михаил Левин

Иллюстратор Александра Жернова

© Михаил Левин, 2018

© Александра Жернова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-3475-6 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-3476-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая Украденное время

Гром в ноябре

За офисным столом переговорной комнаты сидели двое мужчин, в возрасте около пятидесяти, хорошо, дорого одетые. Один говорил по телефону, другой... крутил свою визитку в руке. Вот-вот встреча должна была начаться. Борис задерживался. Его партнер Алексей извинился и предложил кофе. Один из гостей дал согласие, другой намекнул на зеленый чай. Эти солидные мужчины нуждались только в Борисе. Его партнер Алексей – нужен был так... постольку-поскольку. Мужчины вежливо согласились на предложенные угощения и терпеливо ждали.

Нестеров опаздывал часто. По разным причинам. Давали о себе знать и трудности московского трафика, и наследие предыдущих деловых встреч, но чаще всего, в таких опозданиях был виноват сам он. А точнее, его неумение распорядиться временем, его понимать, как не парадоксально это звучит, дорогие читатели.

Да, да, Борис Владимирович Нестеров со временем никак не дружил, и кроме того, обладал поразительной и странной способностью говорить совсем не то, что есть на самом деле. Делал он это всегда без злого умысла и так непринужденно, что не только не страдал от этого сам, но и приучил всех окружающих относиться к этому спокойно, философски, с юмором.

– Ну ты где?? Ты скоро? – кричали ему в трубку мобильного телефона друзья и приятели в мангальном, шашлычном дыму, разливая по стопкам холодную водку.

– Да! Еще около часа, не больше! – бодро отвечал им Борис, находясь в двухстах километрах от искомого места.

Как у Селинджера... «иду в магазин покупать какой-нибудь журнальчик, а если меня вдруг спросят куда, я могу сказать, что иду в оперу...», помните?

Стоит заметить, что Нестеров далеко не всегда так по-варварски относился к времени. На заре его финансовых подвигов в Петердурге, а затем в Москве, да и не только, на некоторые деловые встречи Борис приезжал как минимум за полчаса «до того, как». А порой и за час. Требовал пунктуальности от себя, требовал пунктуальности от других. Но все только ради корысти, карьеры, денег... и только тогда, когда это нужно было только ему. Исключительно.

Время бежало. Нестеров шел по вехам крупной коммерции достаточно успешно, скакал по ним как по кочкам на болоте и не оступался. Расстояния между кочками преодолевал легко, непринужденно, с приличной форой. Его интуиция, чутье, интеллект, творческое начало, знакомства, полезные и не очень, которые росли с каждым днем как снежный ком, помогали ему в этой безумной скачке, да и сама судьба пока ему благоволила...

Нестеров прибыл в свой офис с небольшим, допустимым для него опозданием – в восемнадцать минут. Ворота офиса, медленно, внушительно, с чувством собственного достоинства, открылись, и мерседес «Е» класса закатился внутрь. Нестеров вышел из машины во двор и на минуту остановился. Вздохнул. Он чувствовал себя не комфортно, тревожно и причину своего состояния пока выяснить не мог. Нужно было спешить, секретарша Валентина уже звонила ему и писала тактичное и вежливое сообщение с напоминанием – «Борис Владимирович, Вас ждут!»

Борис Владимирович Нестеров – тридцати двух лет от роду, московский коммерсант, совладелец фирмы, занимающейся финансовым консалтингом и имеющей весьма обширную клиентскую базу, начиная от страховых компаний, банков и крупных монополий и заканчивая медицинскими клиниками, театрами и просто состоятельными гражданами. Фирме Бориса недавно стукнуло восемь. Восемь лет, как он считал, безупречной работы. Восемь лет, один, а затем и с партнерами, он строил свое дело. Дело, как тогда казалось, всей его жизни. Именно, как ТОГДА ему это казалось...

Нужно сказать, что в отличие от бизнеса, в личной жизни Борису Владимировичу не очень везло. В деле, в работе, он плавал как рыба в воде, чего нельзя было сказать о его жизни вне офиса, вне переговоров, встреч и мозговых штурмов без минуты сна.

Рано похоронил отца, будучи еще студентом, не так давно маму, неудачно женился и соответственно удачно развелся. Все шло у него неправильно, комом, кувырком. А последнее время Борис Владимирович и вовсе пошел в разнос, окончательно став завсегдатаем различных московских кафе, баров, бань и клубов. Если в этот день, вечером, не планировались очередные переговоры, то он поступал так: садился в один из своих любимых ресторанов, например, в «Сырную дырку» в Архангельском переулке и начинал якобы ужинать, часов примерно в семь вечера, а иногда даже и в пять, и ужинал там до закрытия. После пары бокалов белого сухого вина или виски, в руки брался телефон, и выдавались звонки всем подряд, по списку. По избранному, разумеется, списку. На призыв Бориса немедленно прибыть в «Сырную дырку», как правило, откликались многие. Дни шли друг за другом, список кабаков и клубов расширялся. Количество встреч по работе становилось все меньше. Все чаще и чаще Борис их переносил, жертвуя ради очередного невыносимого желания выпить. Его бизнес пока не чувствовал этого внутреннего кавардака своего идеолога, совладельца и мозгового центра, но партнеры, особенно близкие, это чувствовали. Они кутили с ним по барам и клубам ночи напролет, но периодически, тактично намекали: «Борь, давай выпьем кофейку, поработаем. Сегодня встреча важная, нам без тебя никак... ну соберись.»

Никто из них не решался стукнуть кулаком по столу и сказать: «Борис! Бери себя в руки и завязывай!» Никто просто не мог этого сделать. Ему противостоять. Его внутренней силе, харизме, креативности. Твердо отдавая себе в этом отчет, партнеры тихонечко, а порой и не очень, конфликтовали сами с собой. Пытаясь найти выход, решение – как повлиять!

Креативным гением его считали многие: партнеры, близкие друзья, многие клиенты и даже сотрудники в офисе. И здесь на Таганке в «голове», в «ГЛАВКЕ» с его кабинетом, кабинетами партнеров, бухгалтерией, переговорной и на Новинском, в офисе «доводчиков», засекреченных людей, занимающихся скрупулезным сопровождением сделок.

Вершину этого самого гения украшали идеи, которыми Нестеров фонтанировал. Фонтанировал часами! Вокруг собирались партнеры, консультанты, юристы, бухгалтера, делались звонки. Шла мозговая атака. Штурм. Выпивалось море кофе и выкуривались тонны табака. Подобные интеллектуальные, изыскательные работы приводили к очередному, денежному пласту и являлись большим праздником для всех концессионеров без исключения. Идеи вываливались из Бориса одна за одной, фиксировались партнерами. Некоторые отбрасывались по причине невозможности исполнения, громоздкости. А некоторые, просто напросто, шли в разрез с УК. Главный бухгалтер, Людмила Николаевна, женщина в возрасте, говорила тогда: «Борис Владимирович... пять лет это стоит. Строгого режима! А мне еще сыну квартиру достраивать!»

Борис Владимирович мог, проходя мимо секретарши Вали, платонически не чаявшей в нем души, остановиться и завести длинную и непринужденную беседу о чем угодно, например каком-нибудь старом фильме, или рассказать об очередном забавном случае из его собственной жизни, коих было предостаточно.

Важные «цапли» из бухгалтерии и менеджеры проходили мимо и косились, не понимая, что происходит, а Валя краснела, давая понять, что у шефа очередной...

С ним было сложно, тяжело, но безумно интересно. На нем держался бизнес, клиенты, контора. За ним бежали, догоняли, пытаясь отдать портфель, который он только что забыл в кабинете. Водитель мчался и подвозил бумаги, забытые Борисом на столе. Валя искала его телефоны, ноутбуки, зарядные устройства.

Над этим, по-доброму шутили и дарили Борису Владимировичу разные забавные штучки со смыслом и наминалки, типа кружки для чая со звуковым сигналом.

Если в машине, на панели приборов загоралась какая-то лампочка, особенно «красным», Нестерову становилось плохо. Спущенное колесо, странный стук при повороте руля, потухшие вдруг телевизор или кофемашина, ставили его в тупик, порою... даже в ступор.

Но в работе, в бизнесе, в любой ситуации, требующей мгновенного и правильного решения, он действовал лихо, точно, ощущая свою, родную стихию. Как когда-то давно, в своем реанимационном прошлом, в больнице, в «окопах», на «передовой». Смело, уверенно, красиво, не боясь чужого мнения, не боясь ошибиться.

Так он вытаскивал сделки, репутацию, дело.

Его уважали, любили, обожали, опасались, завидовали и ненавидели, а он горел, и считал именно такой образ жизни единственно правильным для себя. И даже единственное его высшее образование – медицинское, не имеющее ничего общего с коммерцией, не мешало ему продавать инсулины, оборудование, страховки. В итоге он стал финансистом. В одной самиздатовской книженции, вышедшей ограниченным тиражом, с щекочущим нервы названием – «Короли российского обнала», глава, завуалированно посвященная именно Нестерову, начиналась заголовком: «Анестезиолог-реаниматолог-схематолог».

Деревянные каблучки его модельных ботинок застучали по мраморной лестнице. На второй этаж. Он прошел мимо стойки рецепции и Валентины, только кивнув. Перспектива предстоящей встречи его никак не радовала. Борис вошел в переговорную, пожал руки всем присутствующим, сухо извинился.

– Ну вот, все и в сборе, – Алексей в качестве тамады начал встречу. Так было всегда. В их оркестре, дирижером и идейным вдохновителем которого был Борис, каждый музыкант знал наизусть свою партию. Вступал всегда Алексей. Нужно было почувствовать настроение, тему... Все было здесь важно и работало как часы.

Речь шла о возможном сотрудничестве с неким фондом, имеющим серьезные налоговые льготы. Его владельцы и идеологи, прибывшие на встречу, предлагали сотрудничество в виде возможности предоставления процентных ставок значительно ниже стандартных, банковских, на некоторые финансовые услуги при работе с фондом напрямую.

Мужчины вызывали у Бориса антипатию. Этот хорошо знакомый ему столичный лоск и абсолютная беспринципность, выдавали себя. Дорогие галстуки, запонки, оправы...

«Натянули на себя крышу благотворительности и „бабки“ на этом куют» – с раздражением думал Борис. Опытный Алексей уловил это состояние Бориса, но переживать особо не стал. Он и сам прекрасно понимал и чувствовал, что вряд ли они согласятся на предложение гостей. По указанным сделкам они работали по-иному. Отлажено, надежно и значительно выгоднее. Его больше огорчило другое, а именно – очередное изменение настроения партнера.

«Сколько им... по пятьдесят, наверное. А папа у меня умер в сорок девять. От инсульта. Прямо на работе. И такие вот запонки видел только в кино. А сколько сделал... каким был врачом. А эти... до сих пор землю топчут» – сердце Бориса вдруг сковал приступ такой щемящей тоски, грусти. Обреченности. Чувства эти в последнее время стали хорошо знакомы Борису. Рано, далеко не по возрасту.

Мужчины в запонках уходили, прощались. Приходилось пожимать им руки и обещать подумать, созвониться на днях.

– Борь, ну ты как? Что опять? – с тревогой в голосе, спросил Алексей, когда они остались в переговорной одни.

– Да ну, Леш... ничего. Хреново как-то. На душе. Как-то сдуваюсь я. А? – ответил Борис и так с надеждой, вопросительно взглянул на Алексея... а тот вроде и хотел ответить, но сбился или забыл, или просто не стал ничего говорить. Или решил перенести ответ на более позднее время.

– Ты на теннис поедешь сегодня?

– А... что? а... на теннис... – Борис задумался и как будто отсутствовал и не слышал вопрос Алексея... – Что? Теннис? А сегодня что...? А... вторник. Не знаю...

– Борь, съезди, поиграй, я тебя прошу. У тебя сегодня Василич там... кажется. Посмеетесь, шары покидаете, – Алексей не любил теннис, вообще не любил спорт, кроме авто. Он любил только стрит-рейсинг.

– Не знаю... может и стоит

– Конечно! – ухватился Алексей. Сейчас он видел в этой тренировке Бориса некий для него выход, кратковременный, но выход.

– У нас есть еще что-то сегодня? Может пивка попьем... поехали в «Бавариу»с, – Борис посмотрел на часы. Они показывали 12.45

– А если нет там Василича? Что я там буду делать? С этими играть? – под словом «этим» Борис подразумевал молодых, начинающих теннисистов, которых им подсовывал тренер в спаринг на тренировках.

– Позвони, дядь.

Речь шла об одном старом приятеле, клиенте Бориса, шестидесяти лет, бывшем владельце одной очень крупной российской страховой компании и ныне свободном художнике, веселом человеке, балагуре, который проводил большую часть своего времени на теннисных кортах, горнолыжных курортах и в попытках, как он выражался «задрать штанишки девочкам».

Борис лениво набрал его номер...

– Геннадий Васильевич, привет! – Нестеров улыбнулся.

Алексей услышал в трубке Бориса голос Василича, который что-то оживленно и бодро ему рассказывал.

– Геннадий Васильевич, так я пока доеду, уж пол тренировки пройдет, сейчас пробки такие, я только что вернулся, еле до Таганки допер.

Тот продолжал тараторить.

– Ну ладно, ладно... ради тебя. Ладно. Уговорил... ну... сейчас... попробую выехать.

Алексей так был рад, что сразу решил, что называется, «ковать железо» не отходя от кассы». Он выскочил из переговорной к Валентине! – Валь, где Юра??

Юрий Николаевич, персональный водитель Бориса, пожилой человек, друг отца Бориса в прошлом, обстоятельный, отличный водитель, бросивший в свое время пить, требовался срочно...

– Обедать ушел, – растерянно ответила Валя, вставая из-за стойки.

Дверь открылась и появился сам Борис. Он уже набросил пальто и собирался ехать.

– Борис Владимирович, – немного испуганно протянула Валентина, высокая, длинноногая секретарша, очень исполнительная и беззаветно преданная фирме. Борис с Алексеем недавно помогли ей с мужем, снарядив грамотного адвоката по уголовным делам и полностью решив его проблему. Вообще, Нестеров, несмотря на свой махровый снобизм, подтрунивание над коллегами, партнерами, сотрудниками, колкие шутки на профессиональные темы, помо-

гал многим. Это ценили и поэтому, и не только поэтому, работать у него считалось большой честью и настоящей удачей.

– Борь, обедать у нас ушел Юрий Николаевич...

– А, ну и отлично. Пусть потом едет домой. Я сам сяду за руль. Валь, где документы?

– Борис Владимирович, документы здесь, но я не знаю... готова ли машина... может я все так, и позвоню Юрию Николаевичу? – Валя окончательно растерялась. А Алексей был рад и думал: «Пусть едет сам за рулем, авось, поиграет в теннис, да и сюда вернется, ну или домой, но уж точно в кабак не пойдет!»

Когда Нестеров собирался ехать сам, то все, как правило, ходили на ушах. Витали тучи сложных вопросов: заправлена ли машина, все ли в порядке, ничего ли он не забыл и так далее, так далее, так далее... Он любил ездить сам, делал это прекрасно, мастерски, но все реже и реже.

Борис взял документы в кожаном портмоне и ключи.

– Все, уехал, Леш, пока, на связи, Валь, пока.

Нестеров вышел во двор особняка без вывески, в тихом Николаямском переулке. В середине ноября, на милость редкого, солнечного дня. Привычным движением приподнял воротник. Так... как всегда делал его отец.

Грусть сжала сердце длинными кусачками для резки электрических проводов, вызвав боль. Не режкую, но тянущую...

Он забыл про теннис и поднял голову. Так ему захотелось на Волгу, в родной когда-то город...

«Нет, нужно ехать... а может в Рыбинск махнуть? Или в Ленинград? Нет, нужно ехать. Или бросить машину? Завалиться в кабак?» – Борис стоял и ждал. Ждал решения, как манна небесной, словно оно, само по себе, вот-вот должно появиться из-за угла.

«А может... я форму забыл? Тогда уж точно не еду» – Борис даже просветлел от этой неожиданной и как казалось ему, умной мысли. Смело шагнул к багажнику мерседеса, открыл его... но нет – большая теннисная сумка с формой и ракетками одиноко лежала внутри.

Нестеров решительно бросил портфель на заднее сиденье авто и прыгнул за руль.

«Василич уже там, сумка в багажнике. Значит... нужно ехать.» И тут вдруг лицо Бориса как-то просветлело. «Стоп! А что он там говорил про «задрать штанишки? Аа... конечно... там снова эта принцесса, на дальнем корте, которая, как мне показалось, пару раз так пристально на меня посмотрела и даже, по-моему, подмигнула или улыбнулась... причем адресно, именно мне. А может мне показалось? Да да... она хороша. Не рассмотрел я ее лица, но фигурка... ммм... хороша. Нужно будет сегодня одеть очки и рассмотреть... да да, еду!»

Трехлитровый мотор его Мерина взревел. Тяжелые ворота уже раздвигались. Как шлюзы на Волге...

Борис надавил на акселератор, и мерседес, выдержав свою фирменную паузу в долю секунды, с рокотом помчался вверх по переулку. Далее направо на Николаямскую... там вниз. Вот и светофор перед Садовым.

Нестеров любил это место. Здесь всегда машина вставала, и можно было о чем-нибудь подумать, повспоминать...

Пальцы его руки, лежащей на ручке типтроника, вдруг нажали на клавишу аппарата газированной воды. Аппарат зашумел, загудел и холодная, простая вода без сиропа с ревом вырвалась наружу и с бульканьем наполнила до отказа стакан. У аппарата с водой в холле Дворца спорта «Метеор» стояли два модных молодых человека – Борис, по прозвищу «Длинный» – ученик 10 Б класса специализированной английской школы и его друг, Максим, по прозвищу «Макс» – студент первого курса местного технического института. В городе этих модных

юношей хорошо знали, как детей уважаемых родителей, музыкантов, творческих личностей, спортсменов, а в некоторых кругах, как фарцовщиков.

– Длинный, ты видел, как она на тебя смотрела? – широко раскрыв свои черные глаза, кипятился Макс, стоя справа от аппарата и облокотившись на него рукой. А Длинный, осушив первый стакан, принимался за второй.

– Кто?

– Таня.

– Это высокая, светлая?

– Длинный, ты издеваешься? Какая светлая?? Темная!

– А... видел,

– Ну это же Та-ня!! Красавица из тридцатой школы, я же тебе показывал ее на слете!

Короче так, давай так, сразу же после тренировки зовем их куда-нибудь... твоя Таня моя Ольга!

Длинный утолял жажду, напуская на себя безразличие.

Длинный и Макс занимались в секции тенниса. Первой секции большого тенниса в городе. Первой секции в городе, занятия в которой стоили двадцать пять рублей в месяц.

«Так... зеленый! Если сейчас там все будет свободно, то еду играть. И посмотрю еще раз на эту принцессу!»

Автомобильный поток по Николаямской, Яузская площади, Набережной двигался быстро. Почти летел. Не было почти никого, вплоть до Большого Каменного моста.

«Чудеса» – поймал себя на мысли Борис.

Тренировка уже шла.

Пиджачок «Hugo Boss» лег на вешалку, за ним брючки, рубашка. Извлеклись длинные теннисные шорты, носки, кроссовки, поло «Nike». Не получалось выбрать ракетку. Если под настроение, то старый, добрый и надежный «Head». В зеркало он обратил внимание на двухдневную, светлую щетину с уже пробивающимися седыми волосками. «Так даже лучше... девушкам нравится» - подумал Нестеров. Он высунул перед зеркалом свой, слегка обложенный белый налетом, язык. «Да... так себе... но продолжать, я думаю, можно.» - врач и пациент, часто выпивающий человек, вели диалог. В одном лице. Пациент показал доктору язык и доктор пошел пациенту на встречу.

Нестеров шел по коридору лужниковского «тюльпана». Широко дышал воздухом спорта, наполненным запахами резины, матов, кордовых покрытий. Скрылся за приоткрытой дверью. Оттуда летели голоса, крики, смех, удары мяча о ракетку и стенку.

– Здорово, Геннадий Васильевич. Здорово, Андрей! – Борис шел по корту и махал всем рукой.

– Борь, давай у стенки пока! Три минуты. Разминка! – кричал тренер Андрей.

«А принцесса здесь, на дальнем корте...» – отметил Борис.

«Да, да... я здесь» – улыбнулась принцесса.

Игра шла легко, хорошо. У Бориса «поперло». Он всухую «вынес», как говорят спортсмены, Василича и теперь «упирался» с тренером. Победы в геймах, словно переходящий вымпел, доставались то одному, то другому.

– Все! Перерыв! – буквально зарычал Борис, попав в сетку. Победа осталась за Андреем. Теперь на половину Бориса встал Василич.

Нестеров сел на скамейку, задыхаясь. Бессонные ночи, сигареты, алкоголь, давали о себе знать. Он «пляшущими» руками открыл бутылочку и жадно глотал воду. Дышал как загнанная собака, облизывая соленые губы. Андрей всегда советовал в таких ситуациях не садиться,

а ходить, но Нестеров не мог. Он хорошо играл сегодня, можно сказать, был в ударе, но физически чувствовал себя отвратительно.

Борис достал из футляра очки.

«Нус, рассмотрим принцессу...»

Он аккуратно, в пол оборота, повернул голову...

Принцесса была действительно хороша.

«Выше среднего, примерно 170—172 см... прекрасно... чуть старше тридцати... ну или... не знаю... хорошо, со вкусом, одета, даже на корте...» – Борис поправил очки, съезжающие по влажной от пота переносице.

«Маечка, прелестная, теннисная, плиссированная юбочка, кроссовочки, носочки...»

Юбочка действительно так прелестно слегка приподнималась и следовала за своей хозяйкой во время ее активных передвижений по корту.

«Длинные, стройные ножки, небольшая, но выразительная грудь... слегка вытянутое личико, длинные, темно каштановые волосы, поднятые наверх... милый, заметный хвостик...»

И хвостик, как и плиссированная юбочка, действительно мило совершал маятникообразные движения в такт игре.

«Цвет кожи... ухоженной, матовой, с оттенком молодого персика... контрастирует, и весьма, гармонично, с белой формой... Недурно играет, явно лучше своей партнерши, короткой, приземистой, спортивной блондинки, несмотря на ее мощные икроножные мышцы и левую, неудобную для принцессы, хватку.»

Нестеров поймал счет и принялся «болеть»... «болеть» за НЕЕ.

Она уверенно выигрывала гейм на своей подаче и, погоняв соперницу по углам, окончательно наказала ее коротким и сильным «смешем» по центру площадки. Партнерши поменялись сторонами, и теперь принцесса играла уже к Борису спиной. «Она и спиной хороша... А ты, я смотрю, Борис Владимирович, разволновался... не на шутку... занервничал даже... что это с тобой?»

Борис вернулся в игру. Погрузился в свой гейм, на долю мгновения забыв о принцессе. Вдруг ТАМ, на женском корте, возникла какая-то странная пауза, замешательство. Кто-то из девушек... выдал «свечу». Высокую, неконтролируемую, неудачную. Мяч, взмыв под потолок и сделав траекторию круче, словно вписываясь в поворот, начал падение. В точку... на половине мужчин.

Нестеров швырнул в сторону ракетку и бросился за мячом. Их мячом. ЕЕ мячом. Принцесса сделала шаг к сетке... одарив сдержанной улыбкой человека, который так по-джентльменски вызвался помочь.

Борис держал в руке пушистый, желтый мячик, бессознательно затягивая процесс его возвращения. Он украдкой пытался рассмотреть Ее слегка усталое личико, нежную кожу, влажную, но не от пота, а от спрея-кондиционера, приподнятые, четко очерченные бровки, слегка выступающие скулы, удлиняющие лицо, придающие ему этакую западную аристократичность, хороший, свежий маникюр, длинные, тонкие пальчики...

Публика изумилась. Стены всего комплекса вдруг стали прозрачными. Ахнул весь «тюльпан»...

Не было никакой необходимости бежать за мячом, неудачно выпущенным с соседнего корта. Они валялись повсюду. Просто мячи. Но этот... упал откуда-то с неба.

– Девушки! Давайте парами! Три гейма! Идет?? – нашелся веселый, жизнерадостный, как и все тренера, Андрей.

Девушки, перебросились о чем-то друг с другом и направились к ним. Геннадий Васильич взял себе в пару блондинку, а Борис... достался принцессе. Знакомиться не стали. Она встала у сетки, он – на заднюю линию. Он нервничал, волновался, ошибался. С какой-то внутренней нежностью Ее «страховал», боясь, что Она вот-вот оступится и тогда он понесет Ее на руках. Они победили. Принцесса обернулась, «похлопала» его по плечу... взглядом... укоризненно-игривым. Взгляд этот заставил Бориса сделать три подряд сокрушительные подачи, две из которых закончились «эйсами». И он собрался, как всегда он делал в подобные моменты и снова вошел в состояние удара. В крайнем третьем гейме он сделал три подряд сокрушительные подачи, две из которых закончились эйссами. Они выиграли.

У сетки, по традиции, все пожали друг другу руки. Праздник закончился. Борис постеснялся Ее задержать. Ему даже показалось, что Ее игривость и внимание персонально к нему... куда-то исчезли.

В раздевалке он много говорил, много смеялся. Опытные, в таких «амурных» делах, теннисные партнеры похлопали его по плечу...

– Если хочешь, я узнаю все о Ней. Она не так давно здесь появилась... да и играет неплохо, – предложил свои услуги Андрей.

– Ну... попробуй, – неуверенно ответил Борис. Растерянность и нервозность не покидали. «Что делать, бежать?»

Он бросил форму в сумку, второпях оделся, заправил в брюки наспех рубашку, набросил пиджак и пальто. Выскочил в коридор.

Гром разразился над его головой...

– Девушка, – тихо произнес Борис, проглатывая подкативший к горлу, «ком». – Девушка!

– Да? – Она повернула голову и остановилась.

– А Вы давно здесь? Вы давно сюда ходите играть? Вы давно занимаетесь? – споро забрасывал Ее вопросами Нестеров, стараясь оставаться спокойным, казаться самоуверенным.

– Меня зовут – Борис!

– Лариса... – удивленно произнесла принцесса. Протянула свою руку. Борис на секунду замешкался. Принцесса подала ему руку, запястьем вверх, а не ребром ладони для рукопожатия, как это делали обычно женщины на переговорах. Нет! Именно запястьем вверх и плавно опустив кисть. Теперь Ее рука застыла, ни на миллиметр не поднимаясь...

Гром ударил над ним во второй раз...

Нестеров справился с поставленной задачей, не сразу, не сию же секунду, но справился. Он опустил голову до уровня ее руки и поцеловал, точнее, робко прикоснулся губами.

Любовался Ее запястьем, кистью. Дивной, нежной кожей, пальцами, едва уловимыми, тонкими, подкожными венами, словно ветвями магического дерева или замысловатым рисунком причудливой реки.

– Да, я занимаюсь уже довольно давно, но здесь не давно. А Вы?

Борис сумбурно отвечал. Пока они шли к стоянке, он успел Ей рассказать о прелестях здешнего покрытия, о том, как хорошо играть здесь летом, о плюсах и минусах ракетки «Head».

Лариса слушала его и комментировала. Делала это кратко, метко, интеллектуально. Борис шел рядом, вытягивался и хотел говорить с Ней еще и еще.

Он проводил Ее до машины, BMW третьей серии, белого цвета. Она... в свободных брючках кремового цвета, курточке с меховым воротничком, лайковых перчатках и с теннисной сумкой «Babolat», смотрелась пленяюще. Машинка встретила хозяйку, мило пикнув и приветливо моргнув «глазками». А хозяйка ждала... очередного, правильного, галантного жеста.

Борис, немного помешкав, опустил Ее спортивную сумку, словно корзинку с грудным ребенком в салон и, наконец, открыл перед Ней водительскую дверь. Ее чудные бровки чуть приподнялись...

Лариса, с уловимым облегчением, словно учительница, получившая наконец правильный ответ, села за руль.

– До встречи, Лариса.

– До встречи, Борис... – Она лукаво взглянула на него снизу вверх. Он прикрыл дверь, боясь хлопнуть и тут же, своей, но чужой рукой... постучал в стекло.

Лариса, положив локоток в удобный, кожаный выступ двери, опустила свой пальчик на кнопку. Не сразу, будто не слыша стука.

– Да, Борис...

Лариса, а можно... я оставляю Вам свой телефон? Ох, простите... или давайте обменяемся номерами... вдруг что-нибудь... с тренировками... и мы потеряемся... мне бы не хотелось... – он говорил с трудом, с огромными паузами.

Лариса, раздумывала. Шло время. Стрелка на наручных часах, меряя секунды, сбивала сердечный ритм.

– А почему бы и нет... – Она раскрыла золотистый «Nokia Sirokko» и так нежно, вкрадчиво, произнесла: – Давайте свой телефон...

Гром разверзся в третий раз...

Борис зачем-то полез в карман пальто, достал свой «Vertu», подаренный на день рождения клиентами, вместо того, что просто сообщить Ей свой номер... просто ответить на Ее вопрос.

– Диктуйте...

– 724 54 76...

Его телефон зазвенел. На экране высветились заветные цифры.

– Мне пора, Борис, до встречи.

– Да, Лариса... а могу... я Вам позвонить? Например, завтра... это удобно?

– Да, Борис, мне удобно... но перед тем как звонить, лучше прислать смс. Можно ли это сделать сейчас... договорились? И если я смогу Вам ответить сразу, я сообщу, а если нет, то я сообщу Вам время, когда это будет возможно... договорились?... -Лариса так прелестно закончила эту фразу-вопрос с подчеркнута вопросительной интонацией... «Договорились?» Интонацией, когда за вопросом «Договорились», читается вопрос – «Ты меня понял?»

– Конечно Лариса... конечно... сначала смс, конечно!

– Вот и славно! До свидания, Борис.

Стекло поднялось, машина тронулась. Сделав круг и выезжая со стоянки, принцесса помахала ему рукой.

Борис стоял, окаменев. Гром поразил его трижды за этот день, точнее, за эти последние два часа.

Он вдыхал запах своей руки, пытаясь уловить запах Ее. Он держал в руке свой телефон и магические цифры. Запоминал.

Пальцы сами набрали сообщение: «Лариса! Вы прелестны, восхитительны! Очень рад с Вами познакомиться.»

А примерно через час он получил ответ: «Благодарю Вас, Борис. Я тронута, но для меня это не новость. Прошу Вас не забыть о нашей договоренности предупредить перед звонком. До встречи.» После слов «новость» и «встречи» стояли два смайлика.

Mon cheri...

Из четырехэтажного, гранитного здания в дворах Новинского бульвара, через переулок от старого здания американского посольства, с буквами на козырьке фасада, складывающимися в «говорящее», сложное, советское слово «ПРОМСЫРЬЕИМПОРТ¹», вышли трое молодых мужчин. Двое в прямых, кожаных куртках. Один в пиджаке.

– Нестеров будет сегодня?

– Да хрен его знает. Вроде собирался. Но подтверждения, не было. Не звонил.

– Ну, ясно. Ты как поедешь?

– Попробую тупо, через Садовое.

– Да, пожалуй, бульвары стоят сейчас. А у меня и варианта нет, только по Кольцу.

– Короче, оба по Кольцу, один в одну сторону, другой в другую. Давайте, двигайте, аккуратно смотрите, и сразу на базу. Как приедете, я ему позвоню. Завтра, кажется, раздача. Клиентский день... – резюмировал этот весьма содержательный разговор маленький, молодой мужчина с хитрыми глазами, в костюме, провожающий, время от времени поправляющий мягкие, редкие волосы.

Мужчины подняли воротники своих модных курток и, стуча каблуками полуботинок по мокрому, ноябрьскому асфальту, местами покрытому желтой пленкой из напавшей листвы, направились к машинам. Каждый к своей. Щелкнули замки. Зашумели моторы. Первая, темно-синяя Нексия, дав резвый круг вокруг клумбы, растаяла в прозрачном осеннем, московском воздухе. За ней ринулся Опель.

Маленький, прищуренный человек в костюме и галстукe, докурив и бросив окурочок в урну, поехал и скрылся за дверью. Он махнул рукой охраннику и поднялся на второй этаж. Зашел в туалет. Там, из окна коридора, отделанного белой, кафельной плиткой, сквозь остаточный сигаретный дым, оставленный только что вышедшими, смеющимися над очередным анекдотом, молодыми людьми, он посмотрел на «Белый Дом». На развивающийся, трехцветный флаг. Величие, на первый взгляд, увиденной картины, показалось ему циничным...

На Цветном бульваре, синяя машина, влилась в поток, движущийся вперед от Трубной площади к Садовому кольцу и в нем, словно камбала, пытающаяся найти уединение в огромном косяке рыб, плывущем, не думая, по течению, двигалась по крайнему правому ряду, выискивая место для парковки.

В маленькой офисной комнатке второго этажа одного из домов на бульваре, мерно работал аппарат, считающий деньги. С характерным шелестом он перебирал купюры. Бывший подводник, Сергей Юрьевич Зубов и его сослуживец Анатолий, оба не так давно принятые в бизнес Нестерова, дело знали, и свой этап отработывали на отлично. Здесь, в этом крошечном офисе, арендованном одной из фирм Бориса, некоторые сделки, которые он сопровождал, консультировал, или проводил по заказу клиента, проходили заключительный этап. Невидимый этап. Сюда, с одной стороны Москвы и других городов страны, курьеры Зубова привозили наличные деньги. Деньги, прошедшие очистку в Латвийских банках и Кипрских компаниях, для выплат комиссионных вознаграждений или расчетов с клиентами по ценным бумагам и договорам оказания услуг. С другой стороны Москвы, в соответствии с графиком, сюда мчались «доводчики». Финальным аккордом являлись «клиентские» дни. Проводились они, в зависимости от статуса и объема сделки, либо в офисе на Новинском, либо на Таганке. Представители клиентов, а порой и сами руководители, прибывали в четком соответствии с назна-

¹ Промсырьеимпорт – внешнеэкономическое объединение, входящее в состав Министерства внешней торговли СССР, возглавляемое Ю. Л. Брежневым, сыном Л. И. Брежнева. В настоящее время, «Промсырьеимпорт» является Федеральным государственным унитарным предприятием (ФГУП), занимает по старому адресу единственный четвертый этаж, остальные этажи сдает в аренду.

ченным временем. Прибывали, привозя с собой портфели с бумагами, пакеты с ручками, рюкзаки, а некоторые – баулы.

Нестеров, потусторонним зрением видел все, чувствовал все, что происходило. С самого начала. От ступеней Новинского и до офиса на Цветном.

**Те двое о нем говорили,
а третий их провожал.
Те двое... активно курили,
а третий – пассивно дышал.**

А вот уже на Цветном... Евгений пытается припарковаться. Вот сверяются цифры, работает счетная машинка.

Он все видел и не волновался.

Другой сотрудник, Дмитрий, в это же самое время, на шестом этаже гостиницы «Варшава» делал то же самое. Но в чужом офисе, у чужих людей и по более высокой цене. С другими гарантиями выполнения. Не стопроцентными. Борис знал это и переживал по-другому, больше. Переживал, отдавая себе в этом отчет и постепенно, шаг за шагом переводя этот ответственный этап все своих сделок только к Зубову. По каналу, выстроенному с самого начала, от момента первого платежного поручения, Риги, Кипра и до получения наличных, собственными руками.

Борис взглянул на часы и телефон. Телефон радостно молчал. Директор его дополнительного офиса на Новинском, Леонид, не звонил. Это означало, что в гостинице «Варшава», и уж конечно на Цветном, все прошло штатно, спокойно.

Принесли счет. Возбужденно проглотив ланч в виде вермишелевого супчика и телятины в кисло-сладком соусе, он, вращая глазами, собирался погрузиться в деловой водоворот.

Окрыленный знакомством с прекрасной красавицей Ларисой, Борис примчался сюда. В «Джонку». В торец здания Доронинского театра, МХТ им. Горького, между Тверским бульваром и Леонтьевским переулком. В один из первых китайских ресторанов Москвы. На площадь Никитских ворот. В район, который хорошо знал и любил, где каждый дом служил вешкой в его сегодняшней и прошлой жизни, где он работал и отдыхал душой. Туда, где его ждали знакомые переулки, городские камни и люди. Его банк в Мерзляковке и здание ТАСС с офисами уважаемых особ, театр имени Маяковского и Московская консерватория, бардовский ресторан «Гнездо глухаря» и китайский «Джонка», баня в Среднем Кисловском, Калашный с диссидентской пивной в начале и жилым домом в конце, в цоколе которого Нестеров снимал когда-то свой первый офис в Москве. Каждый кирпич здесь, каждая подворотня о чем-то шептали, напоминали, тревожили.

Час назад, еще в Лужниках, отправив своей новой знакомой сообщение и сев в машину, он позвонил Алексею и радостно сообщил о том, что собирается поехать в банк, увидеться с Петровичем и Максимом, провести встречу с очередным клиентом, которая планировалась. Пообещал провести встречу на самом высоком, профессиональном уровне. Провести так, как он это умел! Ему вдруг безудержно захотелось... Эх... поработать! Напомнить о себе! Удивить! Партнеров, клиентов, а главное – Ларису, уже живую, не гипотетическую, ну а план действий – он появился сам собой. Махнуть в гущу событий, толчею, в привычный, но уже начинающий забываться, ритм деловой жизни, туда, на Никитскую, где его ждали бизнес и деньги. Там пообедать и окунуться. Вновь начать творить.

«Благодарю Вас, Борис, я тронута, но для меня это не новость. Прошу Вас не забыть о предупреждении сообщением перед звонком. До встречи.» – это сообщение, полученное от Ларисы, застало Бориса в шаге от великих свершений.

Ему оставалось только накинуть пальто и ринуться вперед. Оставалось только это. Один шаг, как вдруг... разверзлись небеса над его головой. Разверзлись через час после третьего грома, прогремевшего еще в Лужниках. Разверзлись дождем, ливнем, холодным, колючим. Сплошной, нескончаемый поток ледяной воды лился на Нестерова. Голова закружилась. У входа в ресторан его качнуло. Он схватился за водосточную трубу. Прячась от холода, содрогаясь в ознобе, вернулся внутрь, в теплый холл «Джонки». Там он сел на диванчик и опустил голову. Невидимая вода текла по его волосам и падала на пол. Намокшее пальто, прилипшие к коленям брюки, замерзшие, сырые ноги вселяли неуверенность и страх. Черные тучи над ним заслонили свет. В темноте Нестеров растерялся. Растерялся окончательно. Куда ему идти сейчас, о чем говорить, он не знал.

Творческий порыв и воодушевление, сменились беспомощностью и апатией. Стрелка внутреннего, душевного «манометра» упала на «ноль».

Трясушимися руками он держал телефон, перечитывал сообщение Ларисы, и, несмотря на свое кошмарное состояние, твердо отдавал себе отчет в судьбоносности знакомства. Но не было сил. Вдруг он ясно это почувствовал. Мысли ускользали как рыбки в аквариуме. Завтрашний день, день предполагаемого, первого свидания с Мечтой, погрузился во мглу. Сейчас ему хотелось одного: все отменить, забыться, забиться. В теплое место, подальше, поглубже. Забиться и ждать. Надеяться. На что-то...

Дрожащими пальцами он вставил в ухо наушник. В телефоне, напротив имени «Петрович», нажал клавишу «вызов».

– Алло, Петрович, здорово, – голос Нестерова говорил где-то слева от тела.

– Здорово, Борь! Ты будешь сегодня? Мы тебя ждем! Леха звонил! Обещал, что будешь! Человек скоро подъедет. «Человек» – крупный девелопер, клиент их банка, собирающийся подъехать и запускающий продажи квартир в очередном, только что построенном жилом комплексе в подмосковном Одинцове, ставил перед собой, а соответственно перед банком и Нестеровым ряд задач, связанных с оптимизацией налогообложения, а иными словами, с легким обманом государства в части налогов.

– Слушай, Сереж, я вряд ли смогу. Давление... понимаешь ли... под двести. У врача сейчас... неважно себя почувствовал... поплыло все. Скажи, пожалуйста, человеку... что сегодня никак. Перенеси, пожалуйста, на любой, удобный для него, день, – голос слева выдавил эти вежливые слова и телефон отключился. Реакцию Петровича и его ответ Борис слушать не стал.

Предметы вокруг и люди расплывались. Сначала по голосу, затем по фигуре и наконец, рассмотрев внешность, в мужчине, сдающем пальто в гардероб, Нестеров признал Костолевского, знаменитого актера «Маяковки».

«Ну конечно... на съемку пришел. Театр + ТВ. Здесь идут съемки. В „Джонке“. По третьему каналу ТВ идет.» – Нестеров по-хорошему позавидовал актеру, его уверенности, спокойствию.

«Сейчас он в дневном полумраке закулился. А вечером, откроется занавес и из темноты он шагнет в свет. Обретет себя. Или в очередной раз станет просто счастливым. Да... вот ради этого стоит жить. Ради вот таких вечеров, наступающих почти ежедневно... А что у меня? Где мое место? Где я? Где поднятый занавес? Где свет? Меня нет... есть только полярная ночь...»

Покинув «Джонку», совершенно забыв о машине, брошенной у нотариальной конторы в Леонтьевском переулке, Нестеров, опустив голову в поднятый воротник и пряча взгляд, поспешно зашагал по бульвару в сторону площади. Миновал здание ТАСС. На перекрестке, напротив кофейни, пугаясь пылающего красным «пешехода», знакомых лиц и просто взглядов, Борис опустил голову ниже.

Там, за переходом, в начале переулка, примыкающего к Большой Никитской, его ждала «нора». «Нора», принимающая посетителей до глубокой ночи. Посетителей разных, непритязательных, свободных. «Нора», в которой его никто не сможет найти. Не догадается искать.

– Триста грамм свиного шашлыка, соус, два пива, двести грамм водки, – сделал заказ на стойке голос, постепенно перемещаясь с левой стороны к центру.

Нестеров взял в освобождающиеся от дрожи, руки, тяжелый, нагруженный едой и напитками поднос и ринулся в самый дальний, обособленный уголок отшельника, словно в бой, с таким же рвением, с каким еще недавно собирался на подвиги. Он торопился, опасаясь недружественного появления претендентов на столик. Устроившись в заветном уголке, Нестеров расставил все на столе и сделал долгожданный глоток. Зажмурился, представляя себя маленьким хоббитом с мохнатыми ногами, героем Джона Толкина, с кружкой доброго эля в руках, в деревушке «Бриль», в таверне «Гарцующий пони» или Матвеем Петровичем Химиковым², героем Аверченко...

Волосы высохли. Пальто висело рядом на крючке. Озноб прошёл. Тучи над головой рассеивались. Время неторопливо текло, словно прохладный, лесной родничок. Сигареты закончились. Борис, движением кисти, бросил пустую пачку на край стола и извлек из кармана новую, размашистым движением доставая очередную сигарету и неловко вставляя себе в рот. Он неотвратимо и желанно хмелел.

«Благодарю Вас, Борис, я тронута, но для меня это не новость. Прошу Вас не забыть о предупреждении сообщением перед звонком. До встречи.» – прочитывал Нестеров в очередной, сотый раз, сквозь сигаретный дым, щурясь, не обращая внимание на огромное количество пропущенных разных вызовов, важных и не очень – двадцать три или двадцать пять.

«Я позвоню ей завтра. Конечно. Неоспоримо. Приглашу поужинать. Завтра же. В зависимости от предпочтений в плане места и кухни, выберу ресторан. Теперь цветы... тут не знаю. Буду думать завтра. Дальше... о чем говорить? Нестеров? Ты не знаешь, о чем говорить с девушкой? Женщиной? О чем говорить с девушкой, женщиной, я знаю. Но здесь... случай другой. Первый. Не знакомый. Не понятный. Здесь... ошибиться нельзя. Второго шанса, она может и не дать. Нужно напрячься, Борис Владимирович. Ну? Где твой хваленый интеллект?» – Нестеров настраивался, уже без страха, но нерешительно, чересчур осторожно, как канатоходец, стоя на краю пропасти и задавая себе одни и те же вопросы: – Это тебе нужно? Справишься? Сил хватит?

Его сознание вдруг начало листать. Листать страницы последних двенадцати лет. Почему-то начиная с двадцати, когда его, студента четвертого курса медицинского института, начинающего и довольно успешного, «перестроечного», молодого коммерсанта, в непотребном виде, вместе с друзьями одноклассниками и одногруппниками, слетевшимися к нему на двадцатилетний юбилей, с позором выставили из студенческого пансионата.

² Матвей Петрович Химиков – герой грустного рассказа Аркадия Аверченко «Страшный человек».

В трусах, накрытого ковром, сорванным им же со стены холла второго этажа, навстречу февральской вьюге, с пустым огнетушителем в руке и подарком под мышкой в виде плаката с праздничной надписью: «Вот тебе уж двадцать лет, а ума, пока что нет!»

Двенадцати кавардачных лет. С бесшабашным бизнесом конца восьмидесятых, начала девяностых и таким же крахом. Героической анестезиологией и реанимацией, продажами инсулина и страховок, Петербургом, Москвой. С сутками по двадцать пять, а то и тридцать часов. С коротким браком и рождением сына. С большим, теперь уже бизнесом, который много приносил и много уносил. С шальными доходами и такими же бездумными расходами. Попытками делать новые бизнесы, торговать вторичными квартирами, открывать вьетнамские рестораны в Адлере. С рыбинскими, ярославскими, московскими проститутками, которым он сердобольно подыскивал достойные работы и дарил однокомнатные квартиры. С дагестанской красоткой, Диной Мухамедовой, сменившей почему-то фамилию на Ардани, длинноногой, эффектной украинкой Оксаной Бондаренко, торгующей элитной, загородной недвижимостью и разбившей вдребезги его очередной мерседес, старшим юристом Транскапиталбанка Катенькой Апухтиной, актрисой Клименко, главным бухгалтером российского экспортера виски «Гленфиддик» Эммой Маркарьян... С ресторанами, кальянными, банями с шестами на Минской, Велозаводской... С Парижами, Римами, Флоренциями, Мальдивами, Пхукетами и Бали. Двенадцати кавардачных лет, приведших к разочарованию, старению, пустоте.

Двенадцати лет, в которых год шел за два. Без выходных и отпусков. Стремительно примчавших его к душевной «пенсии». Приведших к тому, что теперь, когда его звали в баню, он пошло-важно, глупо отвечал: «А что я там, в бане, не видел? Ведь у всех баб вдоль... поперек вряд ли будет.»

Теперь он старался скрашивать досуг в одиночестве. В полном, или с малознакомыми людьми. Напиваясь, накуриваясь, нанюхиваясь. У себя в съемной, небольшой, но роскошной квартире-студии на Зоологической, слушая Баха или издавая душераздирающие звуки на электронных инструментах, бороздя пески Сахары без гида, пытаясь добраться до Эль-Аюна, забираясь на джипе по крутому, однокалечному серпантину без твердого покрытия в марокканские горы «Атлас», устраивая стрит-рейсинг в потоке на Ленинском, валяясь на берегу Волги...

Чем дальше, глубже листались страницы, тем отчетливее звучал в его голове вопрос: «Чем я ЕЙ интересен? ЧТО мне ЕЙ о себе рассказать? Вопрос звучал, как вердикт.

«Бизнес? Империя? Вряд ли ТАКИМ бизнесом можно открыто гордиться... Состояние? Счета в „Регех-Банке“? Депозитарий в Банке Москвы? Квартира в Перово, которую отдал бывшей жене и сыну? Квартира в Питере... да... об этом можно упомянуть... но это в Питере, пусть даже на родимой Гороховой, но в Питере! Дом в Никульском? В глуши? За триста километров от Москвы? Толком недостроенный? Машины? Заинтересует ли ЕЕ ВСЕ ЭТО? А я САМ? Интересен ли я САМ? Искусство? Музыка? Игра на инструменте? Театр? Кино? Книжки? Языки? Знакомства с творческими людьми, актерами, режиссерами, музыкантами, промоутерами, антрепренерами? Может жизненный опыт? Может спорт? А вдруг ОНА разбирается во всем этом больше?? И что тогда?»

Появлялись безумные мысли найти ресторан или кафе с живым инструментом. Любим фортепиано, пусть даже не концертным, расстроенным. Электропиано любой марки... чтобы сесть и сыграть. Произвести впечатление. В идеале – потрясти. А дальше будет легче.

С чего начинать общение с Мечтой – оставалось для Нестерова загадкой.

«Спорт?» – он вдруг снова увидел перед собой Ларису, в соблазнительной, плиссированной теннисной юбочке, длинным, дразнящим хвостом из волос, собранным на затылке, с учащенным дыханием, розовыми щечками, прямым, породистым носиком и вздернутыми бровками.

Увидел Ее, с теннисной ракеткой в руке и ухмыльнулся, опуская голову и заглядывая себе под пиджак. Только сейчас Борис сообразил, что под неизгладимым впечатлением от знакомства со столь прекрасной девушкой, а затем, в процессе погони за Ней по коридорам лужнецкого «тюльпана», он забыл принять душ. Нацепил брюки, набросил рубашку, пиджак и пальто на себя просто так. На тело, изможденное игрой, душу, разрывающуюся на части потоком эмоций.

«Большой теннис... которым я начал заниматься больше чем пятнадцать лет назад, и не потому, что нравилось! А потому, что это было модно! Дорого. Круто! Горные лыжи... Встал на них первый раз еще в девяностом, а потом на них встали все! Тренд! Мать его так! Если и разговоры о спорте, то только о теннисе и о том – кто, когда и какой горнолыжный курорт посетил! А теперь бокс еще этот! Тьфу! Что же мне?? Перчатки напяливать?»

Борис Нестеров, на самом деле, неплохо играя в большой теннис и хорошо катаясь на горных лыжах, спорты эти не любил. А в глубине души – просто ненавидел. Кружка холодного пива после корта или бокал горячего глинтвейна на выкате с горы – вот все, в чем видел он смысл во всей этой спортивной кутерьме. Недолюбливал он и командные виды – футбол, волейбол, баскетбол. Сам играл неплохо, но принципы командной работы входили в конфликт с его естеством. Однако болельщиком, тем не менее, Нестеров был отменным! Знающим, авторитетным. Другое дело, его губила явная неприязнь к российским командам, российскому спорту в целом. Стойкое, воспитанное еще Владимиром Андреевичем, уважение к спорту советскому, сменилось выраженным негативом по отношению к спорту другому. Даже некий патриотизм, к которому зывали все те, с кем он «болел», не помогал. Растягивая слова, предавая им некий глубинный, невидимый и непонятный смысл, Борис говорил: «Не верю... знаю, как это делается. Все на бабки поставлено. Ситуация в спорте – слепок с общества» Все больше и больше, грустно наблюдая за окончанием матча, игры, соревнований с участием европейских клубов, сборных или спортсменов, в живую или по телевизору, он мечтал сделаться маленьким, запрыгнуть в одну из спортивных сумок и уехать... покинуть Россию.

Дело в том, что организм Нестерова, применимо к спорту, был настроен на «циклику». Циклические виды. Эти гены передались ему от папы, отличного, в свое время, бегуна.

Четыре года Борис занимался плаванием в бассейне ВМФ на Васильевском острове, затем, вынужденно, по причине перенесенной желтухи, плавание бросил и увлекся лыжами, а затем перешел в биатлон. Три школы: двести седьмая английская, музыкальная имени Римского-Корсакова, биатлонная в Токсово, занимали абсолютно всю его ленинградскую жизнь. Переехав в Рыбинск в шестнадцатилетнем возрасте, в город, где биатлонное стрельбище видели только по телевизору, она начал бегать на лыжах за школу, бегать лучше всех, скупая по секундам, минутам, подъемам и спускам, привычной одышке и мокрой спине...

Некий дискомфорт под рубашкой и пиджаком, напомнил Борису о причине, по которой он сегодня промчался мимо душа. Отсутствие стульев за его столиком, разобранных прибывающими в пивную мужиками, нарастающий, людской гул, сгущающийся сигаретный дым и сильный запах кухни, напомнили ему о времени. Он шумно вздохнул, сделал несколько увесистых, тягучих глотков из кружки и посмотрел на часы. Не оценив должным образом поло-

жение стрелок, Нестеров схватил телефон, поставленный в беззвучный режим и, не придавая абсолютно никакого значения очередной дюжине свалившихся звонков, уставился в конвертик с именем «Лариса».

Сейчас он хотел Ей написать. Что-то. Просто так. Пытаясь привлечь Ее внимание. Написать прямо сейчас, а значит – внеурочно.

«А что написать? А ответит ли она? Ведь договаривались на завтра... А вдруг ЭТО будет ошибкой...? Роковой...» – рука, в страхе, одернулась. В дымной пелене перед собой он снова увидел Ее. Она улыбалась. Улыбалась молча. Сдержанно и строго, давая ему понять, что все идет своим чередом. Что все идет правильно... по какому-то, сверхъестественному, утвержденному свыше, плану.

Ее контуры становились не четкими, от этого еще более волшебными, чарующими, прекрасными. Не нужно было говорить. Не нужно было писать. Но только ждать.

Нестеров «поплыл», засыпая, «оттолкнулся от берега и поплыл», проживая текущие минуты, прямо к Мечте.

Уже там, вдали от реальности, вдруг... он увидел стрельбище, стенд, тренера, почувствовал учащенное, но ритмичное дыхание, «Бишку»³ за спиной. Почувствовал положение стоя. Рука работала, досылая патрон. Щелкая, выскакивали гильзы, закрывался глаз, в диоптрийном прицеле появлялась мишень. Курок, выстрел, лязг пули, попадающей в «молоко», даже не в «габарит». Незакрытые черные, бездонные, зияющие точки. Штрафной круг. Еще один. Еще... Тренер сдвинул мишень. Положение лежа. Прицел, курок, отстрелянная гильза и та же картина. И снова штрафной круг.

«Вот так ты и живешь, мой бедный, бедный мальчик» – шептала Мечта... уже откуда-то из-за спины. «Вот так... бесконечно стреляя... и бегая штрафные круги».

«Странно!» – подумал Нестеров. «Штрафные круги... а ведь я любил стрелять. Мазал конечно по началу, но потом стрелял в большинстве случаев точно. Даже помню это ощущение, когда закрываешь все пять...»

«...Снится мне все это? Или кажется?» – Борис вдруг неуверенно поднял качающуюся голову. Осмотрелся. Людей в пивной становилось все меньше. Столики, загроможденные пустыми пивными кружками, тарелками, вымазанными красным кетчупом, с недоеденными кольцами лука, грязными вилками, скомканными бумажными салфетками, стопками и пустыми, водочными бутылками и графинами, пустели. Синий, вонючий дым бледнел. Пивная закрывалась.

Загудел виброрезонком и заерзал на ковре возле кровати, телефон. Нестеров опустил правую руку, точнее бросил ее на ковер. Голова, не помогая руке, смотрела в потолок. Вот... он где-то рядом... жужжит где-то здесь... «Ну давай, ползи ко мне» – скрипел мозгами Борис. На шестом или седьмом раскате вибрации, стыковка его руки и телефона состоялась.

– Аллю...

– Здорово, пропажа... – Алексей погрустнел, услышав в трубке голос партнера, пропущенный через сотни медных когда-то, а ныне покрытых ржавчиной, труб. Но одновременно и обрадовался банальному факту живого ответа. – Где было-то вчера? Тебя искали все. Бухал? Ты же вроде после тенниса на встречу собирался? Что случилось-то опять, дядь? – в голосе появлялись нотки раздражения.

³ «Бишка» – биатлонная, мелкокалиберная винтовка БИ-7 (Биатлон-7), с патроном калибра 5,6 мм, выпускаемая в 1980-ых годах Ижевским заводом.

– Устал после игры как-то... решил немного отдохнуть... а потом... думал... – в этой фразе Бориса отсутствовал какой-либо смысл, связность, логика. Алексей такие вот его фразы слышал часто и удивлен не был. Что означало «Устал после игры», как он «решил немного отдохнуть» и где, о чем он «думал»? О том, что устал? – ответы на все эти вопросы оставались где-то глубоко, за кадром.

– Слушай, Борь, сейчас время – десять. У нас с тобой на сегодня запланирована встреча с новыми клиентами. От Тронькова. Помнишь? Разговор был на прошлой неделе. Сегодня в два часа в Киш-Мише⁴...

– От Тронькова? Да... вроде помню... – на самом деле, Борис Нестеров не помнил об этом ровным счетом ничего. – А что там? Схема? НДС?

– Да нет, все проще... бумаги хотят получить⁵... но объем вроде бы не плохой.

– Ааа... – голова Нестеров просто говорила, отвечая на вопросы, но не более. Никакого мыслительного процесса в ней не происходило.

– А ты вообще... в офисе сегодня будешь?

– Нет, – на этот вопрос Нестеров ответил с уверенностью. – Слушай, а может ты с этими «чертями» от Тронькова встретишься сам? Как бы... без меня...

– Нет! – с той же уверенностью отвечал ему Алексей. – Как бы без тебя... как бы не получится! Короче! Жду тебя в «Кише» в 13.30. Пообедаем заодно. Да?? – этот вопрос прозвучал настойчиво, с нарастающей обидой.

– Да, Леш... ну конечно, буду... даже если помру... – Нестеров так похмельно, эйфорично захохотал. Алексей повесил трубку.

Отбросив телефон, Нестеров посмотрел на часы и заложил руки за голову. Времени до встречи хватало с избытком. Пора было начинать играть в его любимую, утреннюю игру, которая называлась «пятнашки». Белый лист, или черный... его сознания, абсолютно пустой, начинал заполняться событиями предыдущего дня, словно квадратиками. Задача ставилась следующая – сложить эти квадратики в правильную последовательность и получить, тем самым, достоверную картину вчерашнего дня.

«Какая-то встреча... с кем-то, утренний офис, Василич, теннис, Лариса... пивная... «Джонка»... Лариса... холодный дождь... «штрафные круги»... Нет! «Джонка перед пивной... переставляем... холодный дождь тоже перед... а вот Лариса... Лариса... Лариса!»

Нестеров перечитал заветное СМС: «Благодарю Вас, Борис, я тронута, но для меня это не новость. Прошу Вас не забыть о предупреждении сообщением перед звонком. До встречи.»

Это было вчера. Значит... сегодня... это сегодня! Сегодня. Это нужно было делать сегодня. Ведь так сложились «пятнашки». Так сложился вчерашний день. А значит... именно сегодня, должна состояться встреча. С мечтой! И реальна ли она? Эта Лариса? Или это просто мечта?

Борис сел на краешке кровати. Сжался. Ему вновь стало страшно. Стало не по себе. Лариса... Мечта... Нужно ли ему все это? «Бойтесь собственных желаний...» – почему-то вспомнил Борис эту избитую и любимую российскую фразу.

Вспомнил он и о Химикове. Матвее Петровиче. Ведь вчера в том углу, это был он. Матвей Петрович Химиков, спрятавшийся от всех, закутавшийся в черный плащ.

Нестеров вдруг подумал о продолжении и грустном, трагическом окончании рассказа. О встрече Химикова с женщиной. О слабости его характера. Об отказе от прежней жизни, неподъемных тратах, невыносимых эмоциях, непонятной, новой жизни, ввергнувшей его

⁴ Ресторан «Киш-Миш» – московский ресторан-чайхона, один из первых кафе узбекской кухни, располагающийся по адресу: ул. Новый Арбат, 28. Ресторан, который любили посещать многие бизнесмены «девяностых» и «нулевых» для деловых переговоров и передачи наличных денег, взяток. Был взят под контроль ФСБ. В настоящее время закрыт.

⁵ Забрать бумаги – на коммерческом, конспиративном жаргоне фраза «забрать бумаги» означала обналичивание денежных средств.

в пучину небытия. Нестерову стало жалко Химикова. Стало жалко себя. Принятие решения откладывалось.

«А может вот сейчас? Нет. Одну тапки и тогда? Нет... значит в душ. Пора в душ!»

Горячая вода текла ему на плечи, спину, голову. Борис Нестеров безгранично любил принимать душ в ситуациях разных, смывая «что-то» или наоборот, приготавливая себя, настраивая, успокаивая...

Вода лилась. Борис трогал себя, гладил по грудным мышцам, шее... освобождал уши от влаги и снова слышал Ее голос... снова что-то о штрафных кругах...

«Стоп! А где машина?» – Борис вдруг понял, что не хватало одной «пятнашки».

Еще раз: «Утренняя встреча с какими-то мудаками из благотворительного фонда, поездка на корт, встреча с Василичем, Андреем, игра, сначала так... потом парами... Принцесса... Лариса... Мечта... Гром... а потом уже «Джонка» и пивная... с «сырыми» и «холодными» волосами. Значит машина... где-то там. А именно – возле «Джонки».

Борис любил «пятнашки». Они помогали ему. Например, вспомнить, где оставил машину, как сегодня. Или вспомнить, где фактически он находится сейчас. В каком городе. Или даже стране.

«Так! Все! Еду к двум в «Киш» на встречу. К двум! А перед этим... пишу этой Принцессе смс и звоню! Если конечно... ах... Она разрешит. А если нет... ну или ответит через пару лет... значит – так тому и быть! А точнее – так и должно значит быть! Еще вопрос! Еду или иду? Если еду, то значит «чапать» нужно в Леонтьевский... а потом... на обед... даже не выпить. Ужас. А если вдруг... встреча с Принцессой? Что? Тоже не выпить?? Да я от волнения с ума сойду!! Тем более... здесь все рядом, а в крайнем случае – поймаю тачку! Ну, или есть еще вариант – Леха! Он может забрать меня перед встречей. Нет! Пойду-ка я туда пораньше, к часу. Начну-ка я там есть! Ведь жрать уже начинает хотеться. И выпить еще до встречи успею, и Леха не заметит! А с Ларисой... встреча, если конечно она состоится, в любом случае вечером... и значит, будет самая нужная кондиция! – вода, падающая на голову Нестерова, заставляла приходиться в себя, а мысли – шевелиться. И Борис этому радовался.

Босыми ногами он прошлепал через открытое пространство своей «студии» в район гардеробной. Чуть сумасшедшим взглядом красноватых глаз, он окинул свежие, развешенные рубашки, недавно привезенные из химчистки. Никакую другую рубашку кроме белой, выбрать он не смог. Цвета иные никак не «ложились» в гармонию с его разнообразными костюмами. Ну никак. В первый раз... никак.

Белая рубашка с запонками и темно-синий костюм. Без галстука. Короткое, шерстяное пальто. Коричневые, с длинными, но не острыми носами, ботинки. Толстый, длинный, вязаный шарф. Наушники. Поднятый воротник. Телефон и сигареты.

Нестеров залил себя духами, прыснул освежителем в рот и захлопнул дверь.

Поднявшись из подземного перехода под Садовым кольцом, Нестеров сунул сигарету в рот и зашагал вперед по Новому Арбату в сторону входа в чайхону «Киш-Миш». Для него наступал решающий момент. Своеобразный момент истины сегодняшнего дня. Или жизни... об этом он не знал, знать не мог, но чувствовал...

Чувствовал, шел быстро, размахивая руками, часто и глубоко затягиваясь. У входа снял перчатки. Решительно действовал и не хотел больше ждать. Посиневшими моментально пальцами, он взял телефон и написал: «Добрый день, Лариса. Это Борис. Я могу Вам позвонить? Умышленно, Борис Нестеров не указал – когда позвонить. Сейчас? Вечером? Он, как ему казалось, довольно дальновидно предоставил Ларисе возможность решить самой – «когда».

Отправив смс, Нестеров спешно сунул телефон в карман и взялся правой рукой за дверь. Ему хотелось скорее войти в тепло. Ответ, если он будет, можно прочитать и там.

Виброзвонок потревожил карман его пальто. Через несколько секунд после ТОГО САМОГО сообщения...

Нестеров остановился. Опустил правую руку. Пропустил вперед в ресторан какую-то пару. Остался на улице. Телефон прогудел один раз. Смс. От Нее? Так быстро? Этого не может быть. Не могло быть!

Он посмотрел на часы. 12.50.

«Ну конечно! Это Леха! Со своим очередным «Дядь, ты ничего не забыл? Встреча в Кише в 14.00! А мы с тобой в 13.30! Ну конечно!»

Нестеров с неким облегчением достал телефон. Но Леха... ничего ему на этот раз не прислал. Он увидел конвертик с именем «Лариса».

Открывать, бежать, бросать телефон, кричать, что с этим делать, Борис Нестеров пока не понимал. Бориса Нестерова застали врасплох. Быстрым ответом. Очередным уверованием в то, что Мечта... все же существует. Она реальна. Он видел Ее вчера... и даже разговаривал. С Ней. С Мечтой. И вот теперь... Она ответила. Ответила сразу. А не через два года.

«Добрый день, Борис. Да.» – таков был Ее ответ.

Нестеров отошел от двери ресторана. Ему хотелось уединиться. Прогнать машины, прохожих. Выключить свет... и только потом звонить. Звонить и говорить.

– Лариса, добрый день еще раз, – говорил он спокойно, неожиданно спокойно. Все его слова проходили через «скрытый», незаметный «фильтр», который придавал им ровность, плавность, осмысленность, мужскую серьезность и очищал от безумного, зашкаливающего волнения, взявшего Бориса в свои суетливые, но железные тиски. – Вот... звоню Вам... сегодня... как договорились... хочу пригласить Вас на ужин... сегодня... Вы не против? – все паузы, которые он делал, звучали как музыкальные фразы, четко очерченные заданным ритмом и размерами.

– Да, пожалуй, у меня сегодня свободный вечер, тем более... вчера мы договаривались с Вами... – Борис Нестеров хорошо и отчетливо слышал Ее слова... и улыбку.

– Прекрасно... – он замолчал... глубоко, нежно, пытаясь передать Ей свое учащенное дыхание. – Прекрасно, тогда... выбирайте район... – Борис прижимал телефон к уху и динамик... слился с барабанной перепонкой в единое целое, так он хотел слышать Ее и не пропустить ни единого слова, буквы, звука, интонации...

– Никитская площадь... Тверской бульвар, – Лариса говорила, а он отчетливо «видел», как улыбка по-прежнему сияет у Нее на устах. «Никитская площадь» -подумал он. «Там, где я вчера наматывал штрафные круги...». Было ли это совпадением, а может мистикой, он тогда не знал. Да и не мог знать. Не мог и думать. Его мысли, стройными когортами двигались только вперед, натываясь на стены в попытках изменить движение, и продолжали идти. Уже уверенно. Уже к свету.

– Прекрасно! Никитская площадь! Осмелюсь предложить Вам на выбор: «Палаццо Дукале», «Пушкин», – Борис почему-то не задал заготовленного вопроса о пристрастиях в еде, но от этого только выиграл.

– Мм... тогда, пожалуй, «Пушкин»... «Аптекарский зал»... в семнадцать часов... я надеюсь, Вам удобно?

– Конечно!! Конечно, удобно! – между восторженными словами Нестерова читалось: Удобно? Вы еще спрашиваете об этом...

– Вот и чудесно! Тогда в семнадцать. Я надеюсь, Вы встретите меня у входа... и прошу Вас... без опозданий, – тон Ларисы окрасился в серо-голубой, стальной цвет. – Мужчина должен быть пунктуален, не так ли?

– Что Вы... Лариса... в семнадцать часов я жду Вас. Ресторан «Пушкин», «Аптекарский зал», у входа. Может быть Вас встретить? – он задал этот последний в своей тираде вопрос совсем неожиданно. Неожиданно, прежде всего, для себя. – Я могу забрать Вас, прислать

машину... воздушный шар..., – его слова о воздушном шаре прозвучали мягче, ироничнее, но по-прежнему твердо.

– Воздушный шар? – Лариса так легко вздернула интонацию вверх, придав вопросу легкий налет ироничного удивления.

– Да! А почему бы и нет! – И Борис Нестеров... почему-то вспомнив, как кто-то рассказывал ему о таком аттракционе, вдруг поймал себя на мысли, что если бы вот сейчас Она, по какому-то неумолимому стечению обстоятельств, остановила свой выбор именно на шаре, то шар... был бы предоставлен.

– Ну нет, пожалуй, нет. Шар... оставим до следующего раза. Меня не нужно забирать, Борис, и машину тоже, присылать не нужно. В этом совершенно нет никакой необходимости. Мы встретимся с Вами, как и договорились. Вы меня поняли?

– Конечно! В семнадцать... я жду... Вас с нетерпением...

– У Вас очень приятный голос по телефону, – Ее колокольчатый тон переливался и повергал Бориса в новые, неизведанные ощущения, словно путешественника, впервые попавшего в страну своей давней мечты...

«Хм... как интересно. Как увлекательно. Как забавно, наконец... Не поинтересовался моими вкусами... Но сразу предложил два места. Сразу... словно был готов. Хороших места... „Палаццо Дукале“, „Пушкин“... Воздушный шар наконец... мило как. А вот насчет его голоса по телефону... поторопилась... ок... пусть это останется маленьким штришком... который потом сотру... а может быть и нет! Забавно... И звонил... ровно за десять минут до начала моей лекции... ровно за десять».

Лариса Виленкина действительно часто бывала в предложенных Борисом кафе. И любила их. И действительно получила смс от Нестерова с вопросом о звонке, именно в тот момент, когда шла по коридору третьего этажа корпуса романских языков Института имени Мориса Тореза. За десять минут до начала Ее лекции. Лекции в качестве преподавателя английского языка. С блеском в глазах она открыла дверь и вошла в аудиторию. В тишину, под восторженные взгляды мужской половины группы.

В ресторане «Киш-Миш» Борис Нестеров поздоровался с каждым. Даже с поваром, заглянув на кухню. Утолил горячую жажду, вызванную переживаниями от разговора, который состоялся только что на улице, водичкой из фонтана, зачерпнув ее рукой. Если бы Бориса Владимировича в том заведении не знали, возможно, был бы маленький конфуз. Он заказал уже на столик на двоих в «Аптекарьском зале» именитого московского ресторана «Кафе Пушкин».

Официант Акмал проводил его в любимую и оказавшуюся свободной, келью, задрапированную плотными, пыльными занавесками с восточными узорами.

– Дорогой мой Акмал! – начал Борис речь, словно поздравлял молодого официанта с большим юбилеем. – Дорогой Акмал! Ты даже не представляешь себе, как я люблю ваше прекрасное заведение! Как всегда, здесь вкусно, тепло и уютно! А особенно хороша здесь... столичная водка!!

Акмал расстроено и растерянно улыбался. Он ожидал услышать слова благодарности о нем самом, в надежде на сегодняшние хорошие чаевые, в крайнем случае, теплые слова о их фирменном блюде – плове. Но никак не о водке. Тем более, о «Столичной».

Борис довольно хлопнул в ладоши перед двумя стопкам, до краев наполненные ледяной и дурманящей влагой. На столе стояли овощи и баклажанчики, фаршированные грецкими орехами и гранатами.

– Ты опять? – Нестеров услышал за спиной голос Алексея. Он появился раньше, предвидя этот незатейливый ход своего партнера.

– Всегда ты не вовремя, – вздохнул Нестеров, опуская на стол полную стопку.

– Дядь, переговоры скоро... забыл? Ну что ты как маленький? И потом... вот что ты сейчас делаешь, дядь. Опохмеляешься? Кто у нас врач? Ты или я? Тревожно как-то за тебя становится, дядь. Вчера видимо опять бухал... а ведь так все хорошо начиналось... с тенниса.

– Дядь, – передразнил партнера Бориса, – правильно ты говоришь! Начиналось все с тенниса! А чем большой теннис, как правило, заканчивается?

– Я не играю в него, – брезгливо отрезал Алексей.

– Вот! Ты не играешь в него и поэтому не можешь знать, что хорошая игра всегда заканчивается только одним – кружкой хорошего, холодного пива! Да ты у любого любителя спроси. Тем более у профессионала! И он тебе ответит: Пиво! Только Пиво! – Нестеров произнес эту трибунную, общеобразовательную, убедительную речь и сделал такое детское, невинное, вопросительное лицо... – Дядь... я выпью... а?

Алексей махнул рукой. Обе стопки упорхнули, одна за другой. В мгновение «ока».

Принесли горячую лапшу «Угра-Ош». Алексей только еще взялся за ложку, а Борис уже поглощал национальное, узбекское «первое» блюдо, закатывая глаза и «крякая» от удовольствия.

Оба молчали. Говорить пока было не о чем. Самым сокровенным Нестеров делиться не хотел.

Алексее позвонили без двух минут два и скоро, из-за занавесок их кельи, появились два мужичка. Полноватых, с пухленькими щечками, маленького роста, в костюмах и с толстыми, чем-то набитыми портфелями в руках. Оба они были похожи на запасливых бурундучков. Протянули визитки. «Бурундучки» оказались председателем и заместителем председателя правления одного Тульского банка. «Тульскими бурундучками».

– Леш... – Нестеров вопросительно посмотрел на портфели и демонстративно вставил в ухо наушник, отвечая на чей-то звонок и погружаясь в телефонный разговор, не обращая никакого внимания на гостей.

– Коллеги, – тихо заговорил Алексей, убедительная просьба к вам оставить свои портфели в гардеробе. Вы должны понять нас... Несмотря на рекомендации уважаемого нами, господина Сергея Тронькова. Только портфели. В нашем бизнесе есть определенные нюансы, связанные с безопасностью. Как нашей, так и вашей. То, что вы от Сергея, дает нам все основания полностью вам доверять, и поэтому я не прошу вас снять пиджаки, в которые, замечу, некоторые не благонадежные клиенты обычно прячут записывающие устройства. Поэтому... только портфели, господа, – Алексей открыто и широко, доверительно рассмеялся, пытаясь свести все в шутку, но шутку серьезную.

Воротилы тульского банковского бизнеса встали, взяв набитые, очевидно отчетностью, раздутые, кожаные баулы и удалились, утирая свои вспотевшие лбы, платками.

– Нус! Чайку? Или может быть, вы пообедаете? – бодро обратился Нестеров к вернувшимся тулякам. Те, очевидно еще не восстановившись от предложения оставить портфели, от обеда отказались и согласились на чай.

Акмал подал огромный, литров на пять, чайник и несколько цветастых пиал.

– Нус, приступим! – Нестеров, на правах ведущего переговоров, вынул наушник, уважительно отложил в сторону свой телефон и придвинул свой пуф, сокращая расстояние между собой, партнером и будущими клиентами.

– Дело в том, – почти дрожащим голосом начал один из «бурундучков», что мы банкиры, как вы уже поняли... и есть потребность...

– В наличных деньгах! – вдруг воскликнул Нестеров. Он встал. – Вы руководители банка, но не собственники, ведь так? Тульские самовары молчали. – И как это часто бывает в подобных случаях, возникает непреодолимое желание, некоторым образом, повысить свое финансовое благосостояние, и сделать это так, чтобы, по мере возможности, собственники остались, так сказать, в легком неведении, – недавний ответ Ларисы, предстоящая с Ней встреча и две

рюмки водки окончательно превратили все хрящевые основы его языка в гибкую, желеобразную субстанцию. Алексей наблюдал за концертом, еле сдерживая улыбку и даже чуть открыв рот. – Кроме того, заканчивается календарный год и у вас, я полагаю, есть некоторые сомнения в выполнении собственниками банка своих обязательств по выплате годового бонуса «топам», то есть вам. Иными словами, советскими словами, «тринадцатая зарплата» может и погореть!

– Все так, – пробурчал вдруг один из «пузатых самоваров».

– Прекрасно! Жить лучше... ну что же, вполне человеческое желание, которое даже, никоим образом не идет в разрез с принципами нашей сегодняшней морали. Вы беспокоитесь о... честности... этичности, что ли, будущего процесса... Я отвечу вам и на этот вопрос! Будет не честно, если я, сидящий напротив вас мой партнер Алексей, и вы договоримся. Затем вы перечислите деньги, а мы помашем вам ручкой. А Сережа Троньков попросту вас не узнает ну или, в крайнем случае, пожмет плечами. Вот это будет нечестно! И не этично! А если вы, как честные клиенты, нуждаетесь в этой, так скажем, деликатной финансовой услуге, то мы, как честные коммерсанты будем честно эту услугу оказывать. По оговоренной, сегодня, я надеюсь, цене и в оговоренные сроки. Оказывать, подчеркиваю, честно! – Борис Владимирович Нестеров важно расхаживал по кельи вокруг стола, заставляя всех поворачивать голову ровно на триста шестьдесят. Он даже снял пиджак и многозначительно сунул руки в узкие карманы брюк, оставив на виду только запонки.

«Тульские самовары», на самом деле, не задали пока не единого вопроса и уж тем более о честности или этичности, но речь Нестерова была вопиюще хороша!

– Далее, к делу, – Борис Владимирович наконец покинул воображаемую трибуну и снова сел на пуф. – Вы банкиры и собственники ваши, тоже. Поэтому схема: деньги – вексель – деньги, или как мы называем эту бумагу «венсель»⁶, здесь не подходит. Она слишком наивна и понятна. Превышение служебных полномочий или хуже того, статья 159 УК РФ⁷ и никакой годовой бонус вам уже ну совершенно ни к чему. Куда более актуальнее – теплое белье и сухари. Идем далее. Оптимизация налогообложения, а соответственно сложные, аннуитетные схемы, вам просто не нужны. Отсюда остается только одно – простенький обнал, – здесь Борис позвал Акмала. – Акмальчик, будь так добр, еще пятьдесят граммuleчек вкусного коньячку... ну и лимончик. Коллеги? – он обратился ко всем, соблюдая приличие.

Присутствующие отрицательно замотали головами, продолжая кивать и внимательно слушать Бориса.

– О какой сумме идет речь? – уже значительно суше спросил Борис.

Один из «бурундучков» написал на салфетке цифру.

– Ясно. Страхование. Какая есть фактура? – Борис посмотрел на всех сидящих вокруг, в том числе и на Алексея, уже привыкнув к тому, что подобные переговоры тщательно готовились с точки зрения необходимой информации.

– Здание банка находится в аренде, выдал один из гостей.

– ДМС⁸? НС⁹? Каков у вас месячный ФОТ¹⁰? – первые аббревиатуры не говорили тулякам не о чем, а вот аббревиатура «ФОТ» отдаленно что-то напоминала.

На салфетке появилась очередная цифра. Нестеров принялся считать в уме. Делал он это быстро. Результат не заставил себя долго ждать.

– ДМС, тем более НС, не пойдут. Что есть еще?

⁶ Венсель – сленговый термин. Ценная бумага, являющаяся обычным векселем «обнального» банка и выдающаяся, как правило, на предъявителя.

⁷ Статья 159 УК РФ – статья о «Мошенничестве».

⁸ ДМС – Добровольное медицинское страхование.

⁹ НС – страхование от несчастного случая.

¹⁰ ФОТ – фонд оплаты труда.

Возникла пауза. Было страшно и смешно смотреть на лица «бурундуков». У них самих идей не было, не было у них идей вообще, а было лишь желание...

И вот теперь, им казалось, что вариантов, как стать чуточку обеспеченнее к концу года, уже и не было. «Венсель», загадочные ДМС, НС, все мимо! Уплывали деньги! Прямо из рук. Туляки выглядели настолько жалко и забавно, что Нестеров вдруг увидел над их головами нимбы, словно мыльные пузыри, в которых плакали их жены, оставшиеся без новогодних норковых шуб, а дети, не получившие на праздник очередные модели телефонов и приставок, тянули к несчастным папам руки. Он сдержал смех. Принесли коньяк и лимон. Нестеров опустил стопочку, похрустел лимончиком и сделал такой обнадеживающий вид, от чего их незадачливые клиенты перестали вытирать лбы и уставились на него, в ожидании чуда. И оно свершилось.

– У вас по городу есть отделения?

– Да... их четыре.

– А по области?

– Да, три отделения по области.

– И банкоматы?

– Да...

– Вы перевозите наличность сами?

– Да... инкассаторская группа и машины.

– А какая сумма месячной выручки проходит через инкассаторов? На круг...

Тут толстячки переглянулись. Речь шла о банальнейшей коммерческой тайне банка, о неразглашении которой каждый из них подписывал соответствующую бумагу. Нарушение каралось как минимум увольнением.

Но им так хотелось денег... Так много читалось в их взглядах, адресованных друг другу...

На салфетку легла третья цифра. Нестеров улыбнулся. Он не удивился.

– Вот и отлично. Тариф будет один и восемь. – Нестеров своей рукой нанес на салфетку цифру итоговую. – К перечислению, – он подчеркнул ее и показал всем сидящим за столом.

Радости «бурундуков» не было конца. Они уже не походили на тусклые самовары, пылящиеся на чердаке. Теперь они сверкали. Предложенная Нестеровым цифра к перечислению отличалась от заданной, то есть от суммы их финансовой Мечты, тысяч на триста, не больше, что совершенно не портило картину.

– Последний вопрос. Вам нужен «кэш» или «транзит»?

– Хотелось бы конечно наличные, – один за банкиров виновато посмотрел исподлобья.

– Стоить это будет вам восемь процентов. Это без торга, – отрезал Нестеров. В планы «бурундучков» видимо входил и торг... но... не в этот раз. – И мой вам совет, сразу «покрасить». И «покрасить» у нас.

– Что сделать? – банкиры пока явно не поняли смысл слова «покрасить»

– Придать купюрам более зеленый цвет, – работая зубочисткой во рту, молвил Алексей. – Перевести рубли в доллары сразу. И получить, соответственно в «баксах». Ну, если хотите, то можно и в «евро».

– Это решит вам сразу две проблемы, – продолжал «резать» Нестеров. – Первое: объем. Та сумма, которая будет причитаться к выдаче, особенно если не повезет и купюры будут не крупные, займет у вас два целлофановых баула. Знаете... есть такие баулы, с которыми в свое время «челноки» ездили в Польшу. Это раз. Ну и второе... «баксы»... есть «баксы». Ими набивать «левую» половицу куда приятнее... Так что? Красим?

Оба «самовара», синхронно, покивали головами.

– Вот такой вот у нас курс! – Нестеров еще что-то написал.

Товарищи из Тулы округлили глаза. Как банкиры, в курсе обмена валюты они ориентировались хорошо. То, что они увидели на салфетке, их явно не устроило и вот вот назревал бунт.

Нестеров замолчал. Замолчал не просто, но демонстрируя своим «визави» окончание переговоров, а главное, его интереса к ним. Слов было не нужно. Все сработало. Банкиры послушно опустили головы. Бунта не случилось.

– Вот и договорились, – подытожил Алексей.

– Так, а сроки?! Сроки? – вдруг встрепнулись гости, явно пытаясь зацепиться хоть за что-то и вернуться к любому торгу.

– Три дня с момента перечисления. Место и время вам сообщат. Мы работаем четко, – Алексей встал и протянул руку. – На моей визитке есть адрес электронной почты. Пожалуйста, отправьте туда свои реквизиты. Я имею ввиду подробные реквизиты банка для составления договора страхования. Потребуется дополнительная информация для составления «слипов»¹¹ на каждую перевозку. Связь с вами буду держать я или наши помощники.

Встал и Нестеров. Его длинная рука вытянулась.

– Ну, рады были познакомиться. Не смеем вас больше задерживать и надеемся на дальнейшее, плодотворное сотрудничество. Готовы ответить на любые, интересующие вас, технические вопросы. К сожалению... время. У нас с Алексеем здесь еще встреча. Всего доброго, – Борис закончил формально, но заинтересованно.

Гости уехали в Тулу. Узбекские занавеси задвинулись.

– А ты посмотри, какой я им курс объявил на «покраску»? – Нестеров ткнул своим пальчиком в одну из цифр на салфетке, вот ставшей уже документом. – Как раз тебе на новый «Zenith»¹², а то вон я смотрю, ремешок-то, пообтрепался.

– Дядь, дай я тебя поцелую! – в словах Алексея было все. Предвкушение удачи, очередного высокого заработка, восхищение партнером... искреннее восхищение, граничащее с любованием.

Борис, наконец, смакуя, не торопясь, почти демонстративно и свободно, проглотил содержимое коньячного бокала, уже давно томившегося на столе. Проглотил и только потер пальцем переносицу.

Тут он присел поближе к Алексею с видом, будто вот сейчас настал момент ему открыться. Поделиться тайной, очень важной, давно хранимой в глубинах собственной души. Просмотрел по сторонам, не подслушивает ли кто... вытаращил глаза...

– Лех... а ты знаешь, где я вчера был... после тенниса... на самом деле..., – голос Нестерова стихал от слова к слову, уходил в глубокое Piano...

– Где...? – Алексей отвечал ему таинственностью и желанием стать вторым хранителем...

– В зоопарке...

– Да? – Алексей был еще серьезен

– Да. Ну ты же знаешь... кто там есть. Самсон Гамлетович Ленинградов¹³... из моего любимого города... он уже больше десяти лет в неволе... в этой гребаной Москве... и вчера я был у него...

– Ну и как он? – лицо Алексея пока сохраняло спокойствие, но голос становился уже громче.

– Да никак... не дождался... он не вышел... наверное... не выпустили...

– Кто не выпустил? Дворники? – Алексей неохотно подтянул этот странный диалог к завершению.

– Да... дворники... суки...

¹¹ Слип – документ, приложение к основному договору страхования.

¹² «Zenith» – часы, швейцарского производства.

¹³ Самсон Гамлетович Ленинградов – самец сетчатого жирафа, рожденный в 1993 году в ленинградском зоопарке, а затем, перевезенный в Москву. Стал своеобразным символом московского зоопарка. Очень добродушный и общительный жираф.

– А пока ты ждал... тебе наливали?

– Да..., – и Борис Нестеров так виновато бросил голову вниз.

– А наливали...? – Алексей вопросительно обрезал фразу, ожидая ответа от товарища и уже начиная смеяться.

– Они же... дворники... суки...

Их плечи дрожали. Плечи обоих. От смеха. Тихого смеха. А Алексей еще и вытирал глаза.

– Дядь! – кричал Алексей в след убегающему по Новому Арбату Нестерову. – А «меринто» твой где?

– В Леонтьевском!

– А забирать-то будешь?

– Сегодня нет! Путь там пока поживет!

– Дядь! Ты снова в зоопарк?! – Алексей стоял на пороге чайхоны, курил и хохотал

– Нет! На встречу! С МЕЧТОЙ!

В «Садах Сальвадора» Борис Владимирович Нестеров купил сорок пять красных роз с символическим названием «Mon Cheri». Какие цветы предпочитает его Мечта он не знал. Заказ заранее не делал и поэтому выбрал те цветы, которые, по его мнению, могли произвести впечатление на такую девушку, как Лариса. Форма, цвет... соответствовали его представлению о Ней. О вчерашней... сегодняшней. Всего роз данного сорта в салоне было сорок шесть...

Он шел по Тверскому бульвару в сторону «Кафе Пушкин», держа огромный букет прямо перед собой. Маленькие, красненькие облачки сливались в одно... большое, летящее перед Борисом, словно указывая ему путь. Он не чувствовал рук, боясь повредить стебельки, не дышал, но прикасался к лепесткам губами... передавая те эмоции, которые вот скоро он отдаст Ей уже вживую, повторяя, повторяя слова... «Mon Cheri... Mon Cheri»

Ах, читатель, если бы Вы были на Тверском бульваре в тот момент... то не пришлось бы подбирать слова...

В Аптекарском зале знаменитого московского ресторана «Кафе Пушкин» для великолепных роз Нестерову предложили огромную, хрустальную вазу, по форме напоминающую гигантскую фиалку. Цветы опустили в нее, и ваза украсила маленький столик возле основного, обеденного стола, накрытого кипельно-белой скатертью.

Ровно в 16.58 Нестеров вышел на улицу, в костюме, без пальто, замотав горло шарфом и держа телефон в руке. Он многозначительно взглянул на молодого человека в ливрее, встречающего всех гостей заведения. Тот... с пониманием кивнул. Шли минуты...

Она шла по бульвару. По центральной е части и попала в поле зрения Бориса в 17.03.

В черном, длинном, ассиметричном, кашемировом пальто, с округлыми лапами, на широчайшем поясе, с ниспадающими широкими концами, напоминающими листья кувшинок, модельных, дизайнерских сапогах, благородного... красного цвета. С распущенными, каштановыми волосами. Кисти рук скрывали красные, в тон сапожкам, перчатки. Она шла, позволяя потоку жизни вокруг двигаться быстрее, говорила с кем-то по телефону и дарила прохожим улыбки...

Зачарованный Нестеров следил за каждым Ее движением. На пешеходном переходе напротив ресторана Она вдруг оторвалась от земли. Не высоко. Не выше чем на пол метра... и плыла... так же медленно, как и шла...

А вот и Ее рука. Левая рука. Готовая к поцелую...

Совершенно новые эмоции, словно открытые только что космические звезды, не давали Борису прийти в себя, сосредоточиться, улыбнуться, даже начать что-то говорить, делать, ухаживать, наконец! Божественный шлейф Ее духов приводил Бориса в смятение окончательно.

Лишь маленькие неловкости, погрешности, странно пощипывали... Он открыл дверь, но Она вошла не сразу, лишь улыбнулась и вошла только потом. Затем суетливая сцена возле гардероба... стола...

Теперь они сидели напротив, а высокий, молодой человек в строгом жилете и длинном, белом, строгом фартуке в пол и белых перчатках, открывал перед ними меню. Борис, изменяя себе, даже не чувствовал располагающей, уютной, атмосферы этого привилегированного ресторана. Портреты медиков на стенах, медные аптечные весы, микроскопы, книги, энциклопедии и медицинские атласы, игрушечный паровоз, книги, ароматы хорошей кухни, теплый воздух... все проходило мимо, оставалось незамеченным.

Буквы прыгали. В слова... они никак не складывались. Зато Лариса... не подавала и виду. Как само спокойствие, изучив меню, украдкой бросив взгляд на совершенно потерявшегося где-то Бориса, она сделала заказ. Подали карамельную свеклу, бутылку сельтерской, два бокала Samus и лимон.

Где-то фоном, соблюдая традицию русского ресторана, заиграли романсы. Зазвучала подборка. Вергинский, затем Пономарева...

«А напоследок я скажу...
Работу малую висок
Еще вершит, но пали руки...»

Звучал романс и Нестеров, словно сама бесприданница, Лариса Огудалова, подобрала ноги, приоткрыв рот, страстно смотрела на Паратова... тонула в его голубых глазах... Ее глазах. Сейчас... Паратовым... стала Она. А он... как Огудалова, готов был отдаться, стать частью, кусочком, чем-то неживым и принадлежащим.

Его... Ее бездонные глаза ожили. Говорящие и умные глаза сказали: «Цыц»! Ноги Нестерова обмякли, позвоночник вытянулся, дрожь прошла. Губы и язык, руки, начали что-то чувствовать... Он повторял все точь-в-точь за Ларисой. Салфетка, приборы, локти...

– А здесь когда-то действительно была аптека. Она принадлежала немцам... Фишеру и Мейеру... – вдруг начал говорить Борис, уже не слыша и не воспринимая еще продолжающийся романс Ахмадуллиной.

– Да... да. Вот и портреты, Дидро, Вольтер, Сенека, Ломоносов... ученые, медики, мыслители, – с нескрываемым удовольствием поддерживала разговор Лариса.

– Вообще, то, что мы сегодня... здесь... даже символично... аптекарский зал, ведь я медик в прошлом, – покашливая, стараясь придать словам романтичность, продолжал Борис.

Голос его затихал, только что явившиеся первые лучики уверенности стали ускользать... Она дала ему возможность себя рассмотреть.

Узкая юбка, бледно-синеватого, «лунного» цвета, жакет с огромными, круглыми пуговицами, длинные, чуть выющиеся, каштановые, с пепельным оттенком волосы... открытые фарфоровые ключицы в вырезе жакета... кольцо... чуть выше ключиц, из голубого топаза.

– Мм, – как это замечательно. Мужчина... врач... ведь именно эта специальность придает особые качества... – здесь Лариса остановилась, изучая собеседника. Теперь она повернулась к вазе с розами. Сделала Она это так, словно увидела огромный букет впервые. – Как мило! Как прекрасные... красные... розы... это... если я не ошибаюсь... Mon Cheri? – Борис, я прошу Вас, пока еще не подали горячее... чуть пройдемся, здесь рядом... – Она обезоруживающе улыбнулась, видя очередную волну волнения Бориса.

Он встал.

– Да... Mon Cheri... то есть... в переводе... Моя Дорогая... – он положил в эти слова все, что у него осталось на этот момент. Остатки живого тела, его самого.

Лариса, пальчиками, аккуратно, завладела несколькими розами, тремя или пятью... и прошла вперед, деликатно, словно наигрывая мелодию, стуча модельными каблукочками по досчатому полу ресторана.

В углу аптекарского зала они остановились. Возле старого фортепиано. Борис, не ожидая подобного маленького события, стоял рядом, и все его естество желало призвать помощников... поддержать его за локти. Он не чувствовал ног, а главное рук. В голове пролетели последние мысли о вчерашнем плане что-то сыграть для Нее и тем самым, завоевать, но вот сейчас, здесь... увы... силы ушли.

– Посмотрите, какая прелесть! – Лариса открыла крышку.

– Да... – только и промолвил Борис... – наверное... Мюльгаут... начало девятнадцатого, раздвоенная дека, нижний демпфер... и, наверное, расстроенный совсем... – он так надеялся на здравый смысл.

– Конечно расстроенный. И совершенно непригодный к музицированию. Мы с Вами просто оставим здесь розы. Они свяжут... это место... этот инструмент... сегодняшний вечер... и нас..., – Лариса положила цветы прямо на пожелтевшую клавиатуру. – Но, если бы я попросила бы Вас... Вы бы сыграли. Я не сомневаюсь. После воздушного шара, – Она так мило засмеялась, – Сыграть для меня один из ноктюрнов Шопена... уверена, не составило бы для Вас никакого труда. Я права? – Она так лукаво подняла глазки.

– Да! Конечно... ведь я музыкант... заканчивал школу...

– Не сомневалась. У Вас такие руки... пальцы... музыканта.

Они стояли друг напротив друга. А розы... лежали сзади на клавиатуре старинного инструмента.

Подали палтус и зайчатину.

Лариса и Борис подняли бокалы с Samus. Чокнулись, не произнеся ни слова. Она только коснулась губками душистой маслянистой пленки, а Нестеров пригубил.

Предательски засветился экран его телефона. Звонил Сергей. Его школьный друг, проживающий ныне в Сан-Диего. Звонил он редко, на день рождения, в Новый Год. Звонок сегодняшний мог быть вызван только лишь чрезвычайными обстоятельствами. Но друг не ответил. Он не ответил бы, если бы на проводе был и сам Бог.

Экран засветился снова. Пришло сообщение.

Лариса не оставила это без внимания.

– Ответьте, Борис. Возможно что-то важное... ответьте... сейчас это допустимо.

Нестеров взял телефон в руку и в момент очередного звонка из штатов.

Разговор был коротким. У мамы старого, школьного друга возникли серьезные проблемы со здоровьем, а именно с позвоночником и требовалось срочная госпитализация в отделение неврологии областной больницы. А заведующим там, вот уже более десяти лет трудился не на жизнь, а на смерть друг Нестерова по институту – Андрей Владимирович Канаев.

Лариса Виленкина с интересом наблюдала за происходящим. Канаев ответил Нестерову как всегда угрюмо, по делу и велел перезвонить завтра.

Борис отложил в сторону вечно мешающий и вечно вторгающийся в личную жизнь, мобильный телефон.

– Андрей Владимирович Канаев, фигура весьма примечательная, – вдруг начал Борис. – Очень талантливый невролог, правда учился он восемь лет, вместо шести, уходил в академку, в армию... и вот... теперь лучший невролог в области. А вот однажды... после второго курса... ездили мы с ним в стройотряд... в девяносто уже втором году, в последний стройотряд нашего института, а в последствии... медицинской академии...

Боря Нестеров собирался в стройотряд, как тогда говорили, «за длинным рублем». Деньги, заработанные фарцовкой в конце восьмидесятых, были нещадно пропиты на первом и втором курсах института. Нещадно, рьяно, без остатка. Теперь нужно было как-то и на что-то жить на курсе третьем, а нового, интересного бизнеса пока не просматривалось. Андрей Канаев, его друг, студент семнадцатой группы второго потока, рыбинец и сын мэра города, решил поехать на край ярославской области просто так, в поиске приключений.

Работали они в селе Выпуки Ярославской области, почти на границе с Вологодской. По сути... в начинающейся, северной тайге. В кормозаготовительной бригаде.

Все нравилось им по началу. И деревенская романтика, и глушь, и темные леса, и местные жители, коих было не много. И теплые бараки, тушеная картошка, замах дыма, черные деревенские ночи и звездное, северное небо. Нравилось им идти по деревне, высматривать

мужиков, валяющихся в траве и заботливо переворачивать их на живот во избежание аспирации рвотных масс.

Уважали они ездить и за водкой в соседнее село, после работы, останавливая «ЗИЛ», наполненный навозом, нежно принимая на руки вываливающегося из кабины Митяя, тридцатилетнего, но по виду тянувшего на старика, запикивать его обратно, ставить ноги на педали, придавливая акселератор кирпичём, а самим переключать ему скорости и помогать крутить рулем. Все было безоблачно в этих Выпуках и даже радужно. Однажды, Нестеров, имея к тому времени права категории «В» и опыт вождения, попробовал себя в кбинах трехосного «ЗИЛ-157» и старого, с элементами ржавчины, гусеничного трактора голубого цвета с широким, родинолюбивым названием «Казахстан». Старый, спивающийся бригадир, теряющий работников на носу кормозаготовительного «кира»¹⁴ и ставший невольным свидетелем этого эксперимента, пообещал двадцатилетнему Нестерову некое повышение по колхозной службе, а именно – работу механизатора.

Сказано – сделано!

И уже через неделю Канаев остался с девчонками в поле скирдовать на зиму сено, а Нестеров пересел в кабину трактора. Начинать он работать с утра, как и все, часиков с восьми. Напарником его по полю, механизатор Петрович, в любое время года покрывающий свою буйную, не очень чистую головушку выцветшей, грязной кепочкой с якорьками, запускал барабан и лихо крутил баранку кормозаготовительного комбайна «Ярославец». Ровно в двенадцать дня, докашивая очередную полосу свекольной, жирной ботвы и переросшего клевера, с воем перемалывая зеленую массу в так называемый «силос», Петрович останавливал комбайн, лихо выскакивал из кабины и громко так, настойчиво, кулаком стучал по железной крыше трактора, ползущего рядом и тянувшего огромную, силосную телегу, куда все это... и сыпалось.

Он стучал и словно контуженный, легко заглушая рокоты двигателей, орал: «Борька, бля! Харэ кировать на хуй! Пора кировать! Стоп машина бля! Вылезай!»

Увязать «харэ кировать» и «пора кировать» по смыслу... ну, наверное, могли только знатоки русского языка, да еще и увлекающиеся именно местным, ярославско-вологодским диалектом. На самом деле все было просто.

«Кировать» на сельскохозяйственном сленге означало – «косить». Смысл этого глагола уходил своими корнями в старое название барабанов кормовых комбайнов и косилок, а именно «киров». Ну а «кировать» на сленге деревни Выпуки, да очевидно, не только этой деревни, означало – «пить водку». Только и всего.

Борис, как по команде глушил трактор и вместе с Петровичем под тихое пение птичек, шум елей или аккуратное и усыпляющее накрапывание дождичка, постукивающего по железной кабине, размеренно пил. Все было у них слаженно, распределено. Не произносилось не единого, никому не нужного слова, даже звука. Борька разливал водку в граненые стаканы, протертые только что масляной тряпкой от травы и муравьев, а Петрович, так трогательно и по-домашнему чистил сваренные женой Людмилой, в крутую, белые, крупные, деревенские яички. На этом рабочий день «кировальщиков» заканчивался. Петрович спал в кабине или траве, если позволяла погода, а Боря, погрузив немного, пешком отправлялся в деревню. В каждый такой дневной «кир», уговаривалась, как правило, одна бутылка «пшена».

Пока хватало денег, хватало и водки.

Нестерова с Канаевым, единственных умных студентов, к тому же медиков, да еще и мужского пола, среди прочих девчонок, закончивших первый курс, в деревне уважали. За рассудительные, медицинские советы, измерения давления, пальпацию деревенских животов, вырывание нагноившихся ногтей, за то, что давали в долг деньги и никогда не отказывались

¹⁴ Кировать, силосовать – процесс скашивания кормовой травы и перемалывания в однородную массу с целью последующего хранения до более холодных периодов.

от поднесенного стакана. Однажды даже, Боря Нестеров, за рулем трехоски, ночью, вытаскивал из огромной, лесной лужи, застрявший колесный трактор с наглухо пьяным и уснувшим «возницей»...

Оба привыкли к такой жизни и чувствовали себя в этой деревне нужными людьми. До тех пор, пока... председатель колхоза их не выгнал. Пнув каждого под зад своим грязным сапогом. Запустив еще и поленом. Лишив колхозного довольствия. Обещав не заплатить ни копейки. И даже написать «телегу» в институт.

Случилось это после того, как однажды, Нестеров сжалился над Фомичем, механизатором сеноукладчика, работающего в поле на скирдовании сена. В чьей бригаде был и Канаев.

– Вот ведь бя... -говорил Фомич... не везет мне бя... спиздить на этом сене никак... учет бя... вон Саныч... на картошке... пиздит и пиздит... а потом продает... и водяра тебе... и рублики...

Нестерову стало жалко Фомича и довольно скоро, он, Канаев, и Фомич осуществили незатейливое хищение пятнадцати рулонов колхозного сена, прямо с поля, реализовав их по соседним деревням, в этот же день. Выручив с этого опасного и безрассудного предприятия преимущественно водку.

Нестерова с Канаевым выгнали из колхоза, а Фомича сняли с трактора. Как еще тогда говорили... «временно отстранили от работы».

Было это так. В очередной обеденный «кир» с Петровичем, Борька Нестеров глушить свой трактор не стал. Боялся. Трактор его заводился только утром и если глушили его днем, то шанс завести его снова, как правило, был не большим. Глушить не стал, но полагающиеся полбутылки, как они говорили «пшена» и два яичка, он все же «отоварил».

Накрыл Петровича фуфаечкой и рванул на поле. Но не пешком, а на гусеницах. Он летел по лесу, таща за собой силосную телегу, как ветер. Летел на дело! Еловые ветки хлестали по стеклам. Чадила труба. Левая нога, обутая в высокий, до колена, сапог, самоотверженно давила на газ. Руки вцепились в рычаги. Пахнувшая дымом их комнатки, куревом и потом, куртка с характерными надписями на спине «ЯГМИ. Лечфак. СО. 1992» вздымалась под фуфайкой, словно живая, и жаждущая подвигов. В разные стороны, из-под гусениц, летели огромные куски грязи. Трактор нырял носом вниз и вставал на дыбы, словно конь.

Он летел. Ему нужно было успеть. Успеть, до приезда учетчицы, дородной бабы Ольги Алексеевны, по-местному – Ляксеевны. Учетчица обычно приезжала в пять и считала рулоны, «скатанные» из переворошенного и пересушенного сена.

Оставалось еще полтора часа. Засыпав трактор грязью до кончика крыши, Боря примчался на поле. Трактор рычал и нес его прямо по центру, через остатки сена и нескошенной травы, под визги девчонок. Вместе с Фомичем и его укладчиком, они погрузили каждый третий, укатанный утренним комбайном сенный рулон в силосную телегу. Ночные бдения возле буржуйки в избе с расчетами, не подвели. В телегу поместилось ровно пятнадцать рулонов. Теперь нужно было «тикать».

– Давай хуярь в лес!! – истошно кричал Фомич. – Там глуши!! А сам назад хуярь! Один, без трактора, хуеплет! Ну смотри у меня, сука! – Стой!! – вдруг заорал он снова. – Стой! Бля! Дай в кабину сяду! – Фомич, расстегнув фуфайку добежал до трактора Бориса, залез в кабину и плюхнулся рядом. Черное, дермантиновое, тракторное кресло страшно закрипело и опустилось до самого пола. – Хуярь вперед! Между березами! Там встанем в ложбине! Ты места не знаешь ни хуя! Хуярь! Тут направо! Мудило!

Нестеров резко оттянул правый рычаг, левой ногой держа педаль правой гусеницы на стопе, а правой газуя. Трактор, выстрелив очередной порцией грязи и сделав рытвину, бросился направо. Там, в глубокой и тихой ложбине, в перелеске, они остановились.

– Глуши! Сука бля! Скоро приедет эта пизда! Засыпемся! Глуши! – истерил неопохмелившийся накануне и злющий Фомич.

– Фом, не могу! Я-то заглушу! Не заведется он потом! Что делать-то, бя, будем?? – поймав волну Фомича, кричал Нестеров.

– Глуши, сука!! Тут эту халайму слышно за сто километров! Глуши! Не бойсь, бя! Я запущу!

– Под твою ответственность, Николай Фомич, еп твою мать, я вырубая двигатель, – сбавив обороты, подвел итог Боря. Двигатель заглох.

– Все. Хуярим на поле. Ждем эту пизду. Пиздоболишь ты с ней! НЕ забыл? Я молчу в тряпку.

Ляксеевна приехала, как всегда. Около пяти. То есть вовремя. В черном, кургузом халате она слезла с лесенки синего колесного трактора. Как всегда, с какой-то тетрадкой и карандашом. Фомич демонстративно, перед ее носом, сорвав несколько огромных лопухов и сделав извиняющийся вид, направился в ближайшие кусты. Возле кустов он повернулся и моргал всеми имеющимися у него глазами, показывая Борису, что уже пора начинать с ней разговор.

Укладчица в это время, переставляя ножки-столбики в чистых, коротких, зеленых, резиновых сапожках, шагала по полю и считала рулоны. Закончив считать, она погрузилась в свою тетрадь. Что-то там у нее не сходилось. Раз от раза она поднимала голову, шевелила губами и продолжала отмечать что-то карандашом. Здесь, будто бы случайно рядом появился Борис. Он подошел на полусогнутых ногах. Несвежие, брезентовые брюки, сложенные «гармошкой» в коленях и небрежно заправленные в сапоги, подчеркивали полусогнутость ног. Он так аккуратно посматривал на учетчицу и попыхивал вонючим «Беломором». Его тогдашняя душа, характер, врожденный и старательно возвращенный артистизм превратили «мажора» и фарцовщика Боба в Борьку, в работника кормобригады и механизатора. А сам он купался в метаморфозах. В этом был весь он!

– Здравсьте, Ольга Алексевна... – я... это... вчера-то... племяша-то вашего посмотрел... нет там ничего... спокойно все... гороха переел...

– Борь, ну и слава богу... а я-то думала, аппендицит у него... в город везти уж собралась, спасибо тебе, Борь...

– Ну и ладно... Ольга Алексеена... сегодня мы вроде нормально поработали... у вас там не сходится чего? – он так как-бы украдкой, но заметно для самой Ляксеевны, заглянул к ней в тетрадку. – Если там чего... ты вы скажите... я отвечу... а девки вон устали... домой хотят...

– Да не пойму... Борь... вчера вроде собрали 54... во вторник 55... а нынче..., – она снова зашевелила губами, тыкая в тетрадь карандашом, считая «палочки». – А сегодня...41...еще раз что-ли поле обходить...

– Так это... Ольга Алексевна... полоса то узкая сегодня была... вот и вышло меньше. Вы это... племяшу-то Вашему... порошочки сегодня не забудьте вечером дать. Я там написал все... регидрон... пусть пьет...

Тут Ольга Алексеевна, с долей легкой тревоги, выглянула из-за плеча Бориса, с желанием пойти на поле снова, но что-то ее останавливало. Казалось, нужно было сходить и пересчитать, но так не хотелось... так не хотелось, да еще и племянш этот с порошками и честный студент напротив, утверждавший, что все хорошо... что узкая полоса...

– Ладно! Время уже! Мне еще добираться! Все Борь, заканчивайте все тут и по домам! Завтра выходной... порошков-то надолго хватит?

– Надолго, Ольга Алексевна! – обрадовался Борис. Там все написано! На три дня – точно! Если что... еще пришлем! Ну бывайте! – Борис пожал ее руку и засунув руки в карманы, зашагал к скирдам.

Что такое «узкая полоса», не понял никто. Не учетчица, не Фомич, не девчонки, не сам Борис, ее придумавший. Узкая... и все тут. Ничего не попишешь.

По деревням поехали на тракторе. Некоторые дороги в перелесках для трехосного «ЗИЛА» были непролазными. Деревенские брали сено для разных нужд, а в основном, в сараи для коров, на зиму, для теплой подстилки на пол.

Расплачивались водкой, сигаретами.

После жесткого, короткого разговора с председателем и полена в спину, Нестеров с Канаевым задумались. Ехать в город им не хотелось. Это означало выходить на учебу, а главное... без денег. Покинувшим стройотряд раньше срока, да еще и по такой вот причине, деньги не полагались.

Они остались. Переехали из барака. Заняли заколоченную избу, оставленную уехавшими в город. Такие избы как раз полагалось занимать наемникам. В избе Нестеров с Канаевым облюбовали одну комнату на первом этаже с железной буржуйкой, которая быстро затапливалась и жарко грела. Постелили на пол матрасы. Дальше нужно было как-то жить. Что-то есть. Что-то пить.

Пригодился навык, переданный когда-то Борису дедом, а именно – косьба. Боря косил не так хорошо, как деревенский, но вполне сносно для городского. Через дом, у старенькой соседки Клавдии Николаевны, он подрядился выкосить огромный пустырь с крапивой, на котором в будущем году весной, она собиралась сажать картошку. Пустырь поражал своими просторами, и работы там хватало.

Каждое раннее утро, Борис Нестеров вставал и выходил на борьбу с уже начинающей желтеть, крапивой. Высокой. Уже почти не жгущейся. С толстыми, мохнатыми стеблями. Огромными каплями росы на колючих, уродливых листьях. Почти живой. Хором качающейся на малейшем ветру. Каждое утро ожидающей своего «косца».

Утреннюю, холодную землю, вытоптанную десятилетиями тропинки, покрывал туман. Воздух пах резко, наступающей осенью, печалью, величием среднерусской природы.

Он брал косу всегда в одном месте, здесь, у забора, с «ножом», опущенным в ведро с водой. Клал в карман «точило». Дышал паром. Кутался в фуфайку. А о прежней жизни, еще совсем недавней, девочках, сигаретах, ресторанах, шмотках, кассетниках, даже не вспоминал. Перед ним стояла стена крапивы, которую нужно было косить. И сегодня, и завтра... Косить и получать за это еду и самогон. Была в этом утреннем, простом труде за еду и выпивку, самая обычная сермяжная правда.

Помахав косою пять минут, намочив сапоги дождем из росы, летящей с листьев, Нестеров останавливался и смотрел в небо. Эта сермяжная правда и простота, незатейливость их нынешнего существования ему нравились... но от неба, в которое смотрел, он ждал другого. Совсем.

Каждый день, за каждый выкошенный кусок крапивного поля и напиленные дрова, Клавдия Петровна кормила студентов. Утром яичницей из двадцати пяти, тридцати деревенских яиц и сала, днем жареной картошкой с вареными, а потом обжаренными сморчками, вечером... просто солеными огурцами и квашеной, прошлогодней капустой.

На день она выдавала им полуторалитровую бутылку самогона. Разовой очистки. Полтора литра отвратительного, дурно пахнущего пойла. Для того чтобы это проглотить, находчивые Канаев и Нестеров разработали целую схему. До краев наливался граненый, деревенский стакан из помутневшего, толстого стекла. Стопками эту мерзость пить было невозможно. Именно целый стакан. Затем, тот, кто собирался пить, морщась от жуткого запаха сивушных масел, подносил стакан ко рту и, собравшись с духом, спрашивал: «А что Семен Израилевич?» Тогда тот, кто помогал, подсказывал и заискивающе глядя в глаза, отвечал: «Семен Израилевич уже умер!». И тогда первый мужественно опрокидывал стакан и начинал пить. Не просто пить, а еще и произносить следующую фразу: «Ай-яй-яй... какое горе!». Пить и произносить. Пить и произносить. Весь фокус состоял в том, что во время вынужденной артикуляции мозг, нос

и вкусовые рецепторы на мгновение переключались на речь, и пить становилось легче. Затем собутыльники менялись.

Так и жили они в Выпуках. Нестеров и Канаев. И ждали прощения.

– Ну как? Вас простили? – спросила Лариса

– Простили конечно. В сучкорезы записали. «Дружбисты»¹⁵ пилили, а мы теми же пилами резали сучки.

– Да... в этом стройотряде, Вы, Борис, приобрели массу полезных навыков, – тут Лариса как-то странно, серьезно, вдумчиво улыбнулась. Прищурилась, словно человек, снявший очки...

Ломоносов, Дидье, Вольтер, Сенека, не скрывали своих улыбок, удивляясь услышанному, развеселившись...

«Ужас... что я рассказал... о чем... в первый вечер...» – вдруг обреченно подумал Борис. Но глядя на Ларису, начинал таять, упиваясь каждой минутой...

– А знаете, что спросил бы сейчас Михайло Васильевич? – Лариса подняла пальчик, обращаясь к висящему за спиной портрету Ломоносова. «Все мне яснО, Одно не яснО» – Лариса, профессиональный лингвист, вдруг так забавно заговорила, по-холмогорски, прямо как сам Ломоносов...

– Девушки? – выпалил Нестеров, угадывая вопрос. – Девушки были... но секса не было... студентки... из нашего института. Ну, во-первых, они и так-то у нас красавицами не слыли, ну и во-вторых... фуфайки... платки...

– Так! Попросите, пожалуйста, счет! – приподнятое настроение Ларисы чувствовалось во всем...

А Борис... перестал быть Борисом, но просто влюбленным мужчиной, без имени, внешности... прошлого.

Нестеров расплатился, положил щедрые чаевые и закрыл коробочку. Приблизился к Ларисе, насколько это было возможно.

– А знаете, кажется, в Америке изобрели такую интересную штучку, поднимающую настроение. Она крепится на стол, на липучке, ну или на шкаф... или на подоконник...

– И что эта штука делает? – Лариса очень внимательно слушала его.

– Она издаёт разные звуки. Сопровождает все, что делает человек, разными забавными звуками. Например... вот поставил он коробку... и вот звук, – тут Нестеров хлопнул губами... – Убрал человек бумагу в стол... и тут же звук... – тут Нестеров сделал так... «шшик»... и так далее. Нестеров привел еще несколько примеров и пощелкал языком. – Очень забавная штучка... как в комедийных фильмах или мультиках... Вы представили себе?

– Да. Я слышала об этом. Но штучку эту придумали не американцы... а кажется японцы. И она, по-моему... очень и очень дорогая! – Лариса тепло смотрела на Нестерова.

Теперь он хотел задуть все свечи... остановить, звучащий в зале ресторана, революционный этюд Шопена... и остаться с Ней... как минимум до ночи... до утра. Околдованный, очарованный, влюбленный Борис...

¹⁵ Дружбисты – пильщики, использующие для работы бензопилы «Дружба» и «Урал».

– А когда мы с Канаевым вернулись из стройотряда, через полтора месяца в город, с засохшими остатками сморчков в окладистых бородах, с рюкзаками за спинами и говорящими только на «мате», то не могли понять... куда мы вообще попали.

Лариса Виленкина смеялась и что-то отвечала ему. Они удалялись по бульвару. Под руку... Сама Мечта и тот, кто Ее ждал... и наконец-то встретил.

Пара приближалась к дому на Большой Никитской и замедляла ход. Становилось понятно, что Лариса живет где-то здесь.

– А вот и мой дом... – произнесла Она наконец.

Нестеров замолчал.

– Вот здесь? Это Ваш дом?

– Да... именно! Это мой дом... – Лариса несколько снисходительно смотрела на Бориса и любовалась его неожиданной и такой искренней реакцией.

– А знаете... однажды... мы с Канаевым ехали в студенческий пансионат. В зимние каникулы четвертого курса. Я тогда уже в очередной раз начал хорошо зарабатывать. Точнее не ехали, а шли. Десять километров по зимней дороге со спортивными сумками и шмотками. Ну и конечно... прихлебывая водку. И шли и шли. А вокруг... – Борис, словно опытный рассказчик раскинул руки... – Вокруг поле. И вот мы идем и поем... «Полеeee!! Русское полеeee!!»...Идем... вдруг видим, что где-то там... в этом поле... сидят люди и машут нам руками. А те, которые поближе, почему-то с коловоротами в руках, кричат... «Ну что вы орете, суки! Какое поле?! Это же озеро!» Вот... Поле это... Плещеевым озером оказалось....

Лариса смеялась. Так, как сейчас, впервые. Смеялась и пальчиками, затынутыми в красную лаечку, касалась уголков глаз... Вдруг она взяла Нестерова за воротник пальто и довольно резким движением поправила его, подтянув к себе...

– Знаешь, Борис, ты... развеселил меня сегодня. У меня прекрасное настроение... такого настроения у меня не было уже давно... – Она помолчала, пристально смотря ему в глаза... – И знаешь... на будущее... когда мы с тобой в очередной раз пойдем в ресторан... ты откроешь мне дверь... с правой стороны, а сам, встанешь чуть спереди, так, чтобы тебе было видно все, что происходит в холле ресторана. Но и чтобы мне... было удобно войти. Надеюсь... ты меня понял?

– Да... – сердце Бориса Нестерова билось и уже толкало не кровь, но малиновый... сладкий мусс...

– Мы перешли на «ты», точнее... я...а тебе, ведь еще неловко пока. Да? Да... я вижу... и это прекрасно. Ведь существует субординация... негласная... и мы будем ей следовать. Пока... и скоро... мы оба перейдем на «ты окончательно. Оба... Пока... Я замерзла... Иди домой и ты... и подумай в следующий раз о театре. Я давно не была в театре. А с тобой... никогда. А мне бы очень хотелось... – Лариса так на мгновение сложила губки в прощальный, вечерний поцелуй.

«Умен... Не очень ухожен, но это поправимо. Помят... выпивал вчера, видимо от волнения, но скрыл все под белой рубашкой с запонками... которые, кстати, я очень люблю. Необычен... забавен... Породист, но не аристократичен. Прекрасный пластилин. Будем лепить. А сердце... ммм... я сошью ему фартучки с сердечками вместо грудки... он будет прекрасно в них смотреться... помешивая мне по утрам овсяную кашку... И главное... никто до него... в первый вечер... не смог так близко приблизиться ко мне... никто...» – несколько возбужденно рассуждала Лариса Виленкина, прижавшись к стене лифта своего престижного дома в центре Москвы и закрыв глаза.

Тедеум Витте

На следующее утро Борис Нестеров стоял возле окна у себя в кабинете. Встречая рассвет. Он любил это делать – встречать рассвет. Летом, когда-то с друзьями и в пьяном угаре, в больнице, дописывая ночные дневники. Сейчас, когда ноябрьская, черная ночь, поднималась, как занавес, уступая дорогу дневному, тусклому свету, освещающему мигающие светофоры, появляющиеся машины, зажигающиеся окна в офисах, напротив. Москва просыпалась. Нестеров так любил это время. Время, когда Москва была с ним особенно откровенна. Была с ним на «ты». Сегодня... она отчетливо понимала, что Борис банально не спал, не спал ни минуты. Она не баюкала его, нет, но откровенничала. А он стоял и разговаривал: «Доброе утро, Москва. Как ты?» – спрашивал он у нее. «Доброе утро, Борис. Да, все как всегда. Как всегда, я открываю новый день. Ноябрьский... и выйдет ли солнце к обеду, я пока не знаю. А что с тобой? Почему ты такой? Ведь я приняла тебя когда-то... больше чем пять лет назад, и ты обещал мне быть сильным, активным, не сдающимся и не сгибающимся. И ведь ты выполнил свое обещание. А я... дала тебе все, что ты попросил. Что ТЫ попросил. А что сейчас? Лариса? Да... Она москвичка, настоящая, рожденная в Москве, но это не я. Дала тебе Ее не я... Нет... Ты переживаешь из-за Нее? Ты не спал ночь? Что случилось, Борис? Что с тобой? Снова «Тедеум Витте»?

«Шестерка с двигателем 1,6, цвета «коррида» двигалась по заснеженным улицам города. Не расчищенным улицам. По снежному накату. Борис Нестеров, не обращая никакого внимания на «подтаскивание» задней части авто на каждом повороте или пробуксовку на каждом трогании с места на «зеленый» сигнал светофора, довольно свободно крутил маленький, спортивный руль. Он ехал с «точки». С «точки», где стояли его игровые аппараты. Собрав дневную выручку, раздав двум счастливым кассиршам, уповающим в это «черное» время только на него, причитающуюся им с выручки часть в равных долях и переодевшись, он шмыгнул с «задов» кинотеатра на заснеженную тропинку, ведущую к домам и ждущему его автомобилю. Переодевшись. Сменив потертые тренировки с лампасами, фланелевую рубашку в крупную клетку, домашние тапочки с задниками и крупно-линзовые очки на резинках на джинсы, фирменную толстовку, кроссовки и куртку.

Весь этот маскарад нравился Борису даже больше, чем все остальное. Больше чем выручка в руках. В нем, в этом «театре», переодеваниях, был сам он. Его настроение, душа, характер. Минуты перевоплощения стоили больше, чем часы всей остальной его жизни. Каждый раз, каждый выходной, когда Борис Нестеров приезжал в город после института и отправлялся за деньгами, он действовал по заранее придуманному им плану. Известному только ему одному. Оставлял машину далеко. Во дворах близлежащих рыбинских пятиэтажек. Скрипел снегом по тропинке к зданию кинотеатра. В туалете для работников переодевался. И выходил на «точку. Кассирши, продающие билеты для игры на автоматах местным пацанам к этому «хэлуину» привыкли. И суть, логику, цель, понимали прекрасно. Как только появлялись бандиты, «шестерки», а чаще «шестерки шестерок», пред ними вырастала своеобразная «смерть», напоминание о человеческом горе – дебелий парень, в старых, нестиранных тренировках, рубашке, заправленной в тренировку и натянутой почти до подбородка, в домашних тапках, пахнущих почему-то жареной рыбой и очках с крупными, роговыми, коричневыми оправками с резинкой вокруг головы, страхующей их носителя от падения, и крупными линзами в них. У этого дебелий паренка были взъерошенные волосы, тряслись руки, в углу рта торчала сигарета без фильтра с обнадеживающим названием «стрела», и капала слюна. Он был «краса-

вещ», словно Левий Матвей, сборщик податей, этот сборщик выручки, поставленный некими супостатами из Москвы, из некой фирмы «Сталь», установившей здесь эти никем не учтенные аппараты для игры. Каждый раз этот паренек доставал из нагрудного кармана рубашки визитку «супостатов», ронял ее на пол и каждый раз местные «шестерки» раздраженно матерились, громко сообщали ему о том, что с нетерпением ждут истинных хозяев всего этого беспредельного бизнеса, плевались и уезжали, помахивая ему кулаками. Тронуть его физически у них не поднималась рука. И каждый раз, проведив «злую силу», дебелий паренек улыбался.

Борис Нестеров учился уже на «шестом» курсе. Вовремя скрылся от всех бед, связанных с продажей списанного медицинского оборудования. И сейчас, скромно, по собственной идее, сам, без партнеров и помощников, ставил игровые автоматы в кинотеатры. Списанные, он покупал их за бесценок, практически даром, прямо в игровых залах Варшавского шоссе в Москве. И ставил в провинциальные, пустые кинотеатры. А еще и продавая попутно лимонад. Дело потихоньку шло. Брошенные кинотеатры, до сих пор еще не приватизированные, наполнялись шпаной, не имеющей возможностей играть в «телеприставки» дома. Нужно было только менять кассеты с играми, поломанные «джойстики» и собирать выручку. Здесь большого ума было не требовалось. За все это Нестерову не хотелось платить и до определенного момента, тапочки, пропахшие рыбой и очки на резинке, защищали его как щитом. Эти «шестерки», «шакалы, Нестерова не знали. И его заслуг перед зарождающимся бизнесом города и знакомствами шестилетней давности, не знали тоже.

Перед тем, как покинуть кинотеатр, он позвонил. Татьяне. Бывшей вожатой, с которой он вместе работал, а теперь... на этом шестом курсе института, вместе жил. Она попросила заехать его в магазин. Список продуктов, продиктованный Татьяной, лишь добавил грусти. Его брови сдвинулись еще. Вообще, Нестеров, вот уже давно, после смерти отца и медленного умирания мамы, был угрюм. Морщины на лбу и вокруг глаз вдруг отчетливо, не по годам, разрезали его кожу. Брови сдвинулись, казалось, навечно. Он был похож на быка... или на вола. Ведь сравнивают иногда человека с животным. Только женщин – с пантерой... или рысью... обращая внимание на грацию и легкость, а мужчину, часто с быком, носорогом или волком. Нестеров стал вдруг волком. Веселый, странный, он вдруг стал волком. Ему даже казалось, что это нормальное теперь его состояние – вол. Девушка Татьяна, натруженный, однообразный секс, сон в теплой, маленькой спальне квартиры его бабушки на Набережной, учеба в Ярославле, ремонт в квартире, угнанная «девятка», как остаток прежней, московской роскоши, учеба на завершающем курсе с понедельника или вторника по пятницу, поддержание мамы,

бизнес, ночная работа в качестве «такси», ночные дежурства в детской реанимации просто так, на будущее, для опыта.

В плане разнообразия и «вкуса» жизни, тапочки и очки иногда спасали его. Иногда копченая кура. Неожиданный, поднесенный непонятно-кем, стакан водки. Копченые куры он покупал в одном или двух местах города. Покупал, словно «беременная» женщина. Покупал под девизом – «если сейчас не съем, то подожду».

Одно такое место базировалось на железнодорожном вокзале. На кухне бывшего ресторана, которого уже не существовало. Теперь эта кухня готовила чебуреки, беляши, пирожки и копченые куры. Что-то они готовили сами, а что-то привозили, но повар местной кухни, Нестеров знал, еще когда-то по «Шексне». В зале ожидания вокзала Нестеров встретил знакомую пару. Они сидели в отдаленной части зала ожидания и целовались. Здесь было тепло. На иные места средств не у пары не хватало. Борис Нестеров вошел, помахивая брелком от «шестерки». Смело подошел, не стесняясь, прервал их любовные, публичные утех.

«Леонид Викторович, эп... в... мать, здорово! Привет, Наташ!» – Нестеров обратился к паре. К Ленке, с которым они дружили вот уже больше пятнадцати лет и были ближе, чем родные. К Наташе, нынешней девушке Ленки, с которой у Нестерова был когда-то кратковременный роман. И постель. Но время шло, девушки менялись, ротировались, оставались только месяцы, река, города и друзья...

– «Bee Gees» дать послушать? – спросил Ленка, облизываясь, давая слегка посиневшим от неопытных и страстных поцелуев, губам отдохнуть, как ни в чем не бывало, будто здесь на вокзале они целовались с Наташей всегда и всегда видели здесь Бориса.

– Да засунь ты свой «Bee Gess» в задницу подальше.

– А... ты ведь у нас теперь ничего не слушаешь... не узнать тебя... – говорил Ленка, так немного с презрением, окидывая взглядом потертую, кожаную, но дорогую куртку Нестерова и брелок от «шохи» на пальцах. — Чаго?! Из Питера-то уже винил не возишь?? Музыка не слушаешь? Я уже не говорю про «играешь»...! – гневливо вдруг заговорил Ленка, отодвинув Наташу, которая на Бориса даже не смотрела, а только раскрыла рот и дышала. То ли от поцелуев Ленки, то ли вспомнив Бориса. Не смотрел на нее и Борис.

– А ты знаешь, что такое «Тедеем Витте»! – почти закричал Нестеров, на весь железнодорожный зал ожидания. – Знаешь? Отвращение к жизни! Не знаешь ни хера! А завтра, кстати, ваш праздник! Четырнадцатое февраля! А помнишь, как мы с тобой ставили сценку в школе? Поздравляю вас, Леонид Викторович и вас, Наталья Николаевна! – тут он сделал такой глубокий реверанс, уже довольно активно привлекая внимание всех сидящих в зале.

Взяв из открытой двери кухни копченую курицу в просаленной бумаге, купив блок жевательной резинки и пачку сигарет, он вскочил в свою «корриду», выжал сцепление и долго вылезал на прямое движение, выбрасывая снег задними, «лысыми» колесами из глубокого заноса, напоминающего «полумесяц».

В офисе, стоя у окна, он говорил только с Москвой. Вокруг не было никого. Он никого не ждал. Никого не хотел видеть. Его брови висели вниз. Он снова напоминал вола.

Еще вчера, он размахивал золотыми медалями, слушал внутренний гимн в свою честь и прыгал на пьедестале. Вчера состоялась встреча с Мечтой, которая, как оказалось, последней не стала.

Но сегодня...

Он нарассказывал Ей кучу нелепых, алкогольных, мало кому понятных историй о себе и Канаеве. Подарил букет из цветов, красивых, но весьма сомнительных. Вел себя странно. Откуда-то возникла история про «липучку», имитирующую звуки... Да, они говорили немного

о нем, о его бизнесе, совсем чуть-чуть, о Ней, о Ее работе, институте... но вскользь, так мало, так несерьезно...

«Тедеум Витте», отвращение к жизни, диагноз, как ему казалось, преследующий его множество лет, и, как правило, по науке, заканчивающийся суицидом, вдруг снова помнил о себе. И это после вчерашнего вечера! После встречи с Мечтой!

Вошел Алексей.

– Здорово, финансовый гений! – Алексей был не по времени дня, весел. – Я смотрю, ты даже «мерин» свой забрал! Поздравляю! Ты делаешь успехи. Как прошла встреча с мечтой?

Нестеров молчал. Он не хотел говорить. Он даже радовался, что сегодня, встречи с Ларисой запланировано не было. Была лишь Ее просьба позаботиться о театре. Но разве это сегодня? Нет. «Значит... сегодня я Ее не увижу??». Радость и грусть. Грусть, перерастающая в тоску. Нестеров скучал. Безумно скучал. Не думал об этом, но скучал. Сейчас он хотел говорить только с ней. И о «Тедеум витте» – в первую очередь!

Нестеров схватил пальто и выскочил на улицу. Он должен был увидеть Ее. Прямо сейчас. Только Ее. Никто в этом мире не представлял для него интерес.

В холе института имени Мориса Тореза они ждал Ее два часа.

Лариса появилась.

– Борис? Ты? – она увидела его издали, отвернула голову и странно фыркнула.

Она подошла к нему. Он встал. Взял Ее за руки. Лариса не сводила с него глаз.

– У тебя все в порядке?

– Нет, – честно отвечал Борис.

– Расскажешь? Что-то случилось?

– Нет, – так же твердо и так же честно отвечал Борис.

Лариса продолжала на него смотреть. Он отвел не мигающие, сухие глаза в сторону.

– Так! Жди меня здесь. Еще ровно пятнадцать минут.

Ларисы Виленкиной действительно не было еще около пятнадцати минут.

– Так! Сегодня у меня должны были быть занятия индивидуальные с учеником. Я перенесла их. Назвав весьма вескую причину. Надеюсь, она действительно веская. Едем в чайную к саду Эрмитаж. Малая Дмитровка, 24, строение 2, сразу за садом. Ты на машине?

– Да...

– Прекрасно. Я не хочу ехать вместе с тобой сейчас. Садись к себе и поезжай. Встретимся там! Все! – Лариса резко развернулась и удалилась. Ее коротенький пиджачок выглядел столь соблазнительно, но Борис... даже не обратил на это внимание. Он видел Ее, говорил с Ней, и этого было достаточно. Чтобы не погибнуть.

В полумраке ВИП-кабинета известного в Москве чайного салона, Лариса Виленкина сидела в ротанговом кресле, облокотившись на сотню тысяч маленьких, китайских подушечек, заботливо принесенных и устроенных китайскими девушками в атласных, длинных, цветастых платьях.

Борис сидел напротив, вытянувшись, потирая от волнения руки, с интересом и удивлением озираясь по сторонам. Здесь он был впервые.

– Милое местечко... не правда ли, – мурлыкала Лариса, отпивая уже поданный чай, маленькими глоточками. Она ждала разговора. Но Нестеров, не мог даже моргать. Он проклинал все. Ему хотелось сбежать.

Несколько раз он пытался начать говорить сам.

– Лар... Ларис... – и осекался. Останавливался. Снова прихватывал чашечку и пил. Жадно пил. А Лариса наблюдала, не теряя самообладания.

– Ты позаботился о театре, милый? – вдруг спросила она. Словно не было всего этого. Не было его неожиданного и взволнованного появления в институте, не было этого скомканного, а может быть от того и прекрасного, дня, уже вечера, не было чайного салона...

– Нет... – Борис так виновато посмотрел на Лару, снова боясь моргнуть.

Лариса придвинулась, отставила чашу и взяла его под руку.

– Это плохо, милый. Хорошо... я займусь этим сама. А скажи мне, если бы я, так скажем, настоятельно попросила бы тебя... пойти на курсы чайной церемонии. Трехдневные. Тебя бы научили правильной рецептуре, сервировке, подаче... – тут Лариса скосила глазки на девушку, обслуживающую соседний столик... – Подаче, уходу за посудой... ты бы пошел? Для меня... – она добавила эти два последних слова так, что чай в чашке... от Ее дыхания... стал более прозрачным... огонек, поддерживающий чайник заварочный, чуть стих, его язычки начали стелиться...

Борис замолчал совсем. Он и до этого произнес всего несколько слов, но здесь... после этого неожиданного вопроса...

– Конечно! – вдруг выстрелил он. Именно выстрелил. Сказал быстро, громко, уверенно. В этом ответе он не сомневался!

Здесь он вспомнил что-то, а она, это произнесла...

– Ну ты прямо как главный инженер рыбного завода Ляпин! Помнишь... – она вкладывала ласку, понимание в каждое свое слово. – Помнишь? Когда он на сейнере вышел в море, а невеста ждала на берегу. Его спросили... про любовь... и он ответил, подумав, но так однозначно, вот как ты сейчас... «Конечно!» – Лариса засмеялась. Ей понравилось то, что она вспомнила и то, как на это реагировал Борис.

Дар речи вернулся к нему. Закончив с Ляпиным, заговорили о кино. Он увлеченно рассказывал о том, что городок Унчанск, о котором ведется повествование в фильме «Мой друг Иван Лапшин» его любимого режиссера Алексея Юрьевича Германа, очень походил на район, в котором его папа когда-то провел свое детство. И о том, что смотря фильм, сквозь то, что происходило в кадре, он видел отца, в маленьких валеночках и пальтишке...

Борис и Лариса подняли свои чайные чашки. Они приближались друг к другу. Говорили о кино. Поднимали чашки. Смотрели друг другу в глаза. Нестеров просто выключил телефон. Выключил себя для других.

– А однажды... знаешь... в Париже... – тут сердце Нестерова так терпимо, но приятно сжалось, – в Париже... на берегу Сены... я видела баржу Пьера Ришара, там, где он живет... это к слову о кино, – Лариса вдруг рассмеялась. – Кстати, ты знаешь, что Пьер Ришар, это всего лишь его имя, а фамилия – де Фе... знаешь?

– Нет...

– Мы поедем с тобой туда...

– Да... обязательно...

– А кстати! О Ришаре! С его участием, правда давно, был один замечательный фильм!

– «Не упускай из виду!» – Нестеров прокричал название фильма, словно участвовал в конкурсе... Он угадал. Это было победное очко в конкурсе, устроенном Ларисой... устроенном в этот вечер. Устроенном по наитию... без репетиций, мыслей и подготовок.

– Да... милый... «Не упускай из виду»... там героиня... – Лариса говорила не торопливо, донося до Бориса, до каждой струнки его души... именно то, почему именно сейчас... и именно здесь всплыл именно этот фильм... – Там героиня фильма... Жанетт... ее играла Джейн Биркин... в гостинице... привязала своего любимого Пьера...к стулу. Веревкой... от портьеры... и заклеила пластырем... ему рот. А сама... покинула номер. Привязала для того... чтобы он не наделал глупостей...

Борис Нестеров вдруг поднял руки. Одну выше другой. Не произвольно. Густо краснея. Лариса поймала его правую руку за запястье...

– Какой частый пульс... а сердце? – она завела своей рукой его кисть... за пиджак... – Она привязывала его вот так... – и Лариса, пальчиком, обвела несколько раз воображаемый стул... и вот так... – снова жестикулируя пальчиками... – она заклеивала его прелестный и возбуждающий ротик...

А Нестеров, где-то далеко... краешком сердца... или души... или просто сознания... вспомнил, как он с родителями, когда-то очень давно, смотрел этот фильм в кинотеатре «Стерео» на Невском проспекте и как ему, потом... снилась капризная и требовательная парикмахерша Жанетт... и этот эпизод... в гостинице...

Венеция – вдохновительница озарений

Мелькнули, промчались лето восемьдесят пятого, ленинградская, влажная жара последней недели июля, Невский проспект, боль от пластины, исправляющей прикус, и волшебный вкус сладкого «Дюшеса», выпитого перед сеансом в буфете кинотеатра.

Боря Нестеров, пока был мальчиком, проводил свое лето всегда по одной и той же схеме. Заканчивал учебный год и сразу отправлялся на Волгу, к бабушке и деду, родителям папы. В деревню, где старшие Нестеровы счастливо жили весь летний сезон, как настоящие, пожилые, вдумчивые дачники, с начала мая и до глубокой осени. И с самого начала мая, под пение соловьев, жужжание пчел на своем первом, весеннем облете, среди душистой, воздушной «чащи» желтых одуванчиков, подступающей к дому «махровым», чуть липким ковром, ждали внука. Внук приезжал, когда ночами еще стояли заморозки. Его встречали теплый дом и любящие старики. И день за днем, следуя за солнцем и летним теплом, деревня наполнялась людьми. Дачниками. Дачниками с детьми. Собиралась компания. И все вокруг было для них. Все, что можно только придумать для самого лучшего детства на свете. И даже взрослея, оказываясь на курортах вместе с родителями или в одиночку, в спортивных, летних лагерях, мысленно Борис оставался именно там. Среди прудов, берез, лабиринтов околиц и широкой, янтарной реки.

План на каникулы, утвержденный большой семьей Нестеровых был прост и в то же время – хорош. Лето делилось для Бори на три части. С июньских холодов и дождей и вплоть до июльской жары и теплой воды, в которой можно было торчать без посиневших губ, Борис находился в объятьях дачной благодати. Находился безвылазно. Два или три раза за все это вяло текущее время, дед брал его с собой в маленький город на рынок и несколько раз в соседний поселок «Песочное» за белым хлебом. Постепенно, день за днем, мальчик становился «аборигеном». Заслышав звук трактора, он, бросив все, бежал к дороге и ждал. Ждал, когда очередной дядя Саша или дядя Валя, или дядя Сережа, пыхтя из трубы черным, «соляренным» дымом и разбрасывая в разные стороны грязь, мчался на своем стальном колесном или гусеничном коне по ухабам деревенской дороги домой. Трактор обязательно останавливался и его сажали в кабину.

Отпуск Владимира Андреевича, как правило, начинался с середины июля и длился до середины августа, а вот отпуск мамы, как педагога, летом тянулся бессрочно. Шли каникулы.

Традиционно, консервативно, с первых дней отпуска папы, родители Бори приезжали в деревню. Навестить сына, стариков, покупаться, насладиться здоровым и вкусным столом, пообщаться, попить парного молока, походить на рыбалку на зорьке. Длилось это дней десять, а затем, молодые Нестеровы, вместе с сыном, уезжали домой, в Ленинград. Борис ждал этого момента, по мере приближения, ждал каждый день. Наслаждения летним большим городом. Нагретым Невским проспектом, дворами, пахнущими не сыростью, но ветреным теплом, ожившими, чудесными парками, мороженым, кино, сладкой и прохладной пепси-колой, темной Невой, в которую даже можно было нырнуть, спустившись на городской пляж под Петропавловской крепостью, буйством фонтанов в Петродворце. Городом, большим, так вкусно пахнущим, с троллейбусами, важно ползущими друг за другом, пассажирами с газетами в руках. Городом летним, беззаботным, радушным, родным. Городом, в котором его ждали родители мамы с тетей Таней в пятиэтажке на проспекте Обуховской обороны, с тушеной картошкой и пирогами. В течение учебного года Борис навещал их почти каждой выходной, но летом... летом это были ощущения особые.

Папа ходил с сыном в кино, в центральный городской парк имени Кирова, мама и бабушка в кондитерскую «Север» и Гостиный двор. Правда походы по магазинам несколько

утомляли мальчика, но и здесь он находил себе развлечение, прячась от взрослых в запутанных переходах «Перинной линии».

Ожидаемое блаженство, связанное с коротким возвращением домой, согревалось и еще одной мыслью. Мыслью о возвращении назад. В этот дом с прудом и лиственницей. Уже в августе, с «медовым спасом», ранними яблоками и звездным небом.

Тогда, когда его родители собирались во вторую часть отпуска, уже свою, уединенную, без присутствия сына, а его отправляли обратно в рай, но уже в сопровождении бабушки и сумок, наполненных продуктами. Антонина Ивановна везла внука в деревню с удовольствием, вырвавшись из города, мечтая побыть на природе.

Нестеров и тогда, и потом... вообще любил получать удовольствие от циклов, сезонов. Мысль об отъезде, а затем о возвращении куда-то, всегда согревала. Он даже завидовал учителям и актерам театров, которые отдыхали летом и каждый раз возвращались к сентябрю. К очередному, новому сезону.

На московском вокзале их провожали и поезд, идущий из Ленинграда до маленького города на Волге ровно одну ночь, отправлялся. Расставляя сумки с мясом и колбасой в купе. Только теперь Борис начинал понимать, для чего он, вместе с мамой и бабушкой столько времени стоял в очереди в ненавистном ему магазине с незамысловатым названием «мясоптица»...

Подрагивала вода в стакане. Звякала чайная ложка, стуча о подстаканник. Откуда-то поддувало. Бабушка похрапывала. Ворочался наверху мужик. Еще одна женщина на верхней полке, кажется, читала... или спала, разобрать было трудно, во всяком случае, ее ночник горел. Во время остановок, в тишину ночи прорывались крики дежурных диспетчеров.

Боря Нестеров не спал. Он думал о фильме... о том фильме, который вчера, днем, они с родителями смотрели в «Стереokino» на Невском, 88. «Не упускай из виду», Клода Зиди. Пластику, исправляющую прикус, на ночь он снимал, отчего думать, становилось немного легче. Неприятные ощущения и дискомфорт от нее, уже не мешали.

Борис вспоминал, кадр за кадром, как героя Пьера Ришара и его спутницу, очаровательную Жанетт, выловила из Ла-Манша английская рыболовная шхуна. Именно очаровательную. Боря, даже в свои одиннадцать, уже познавший поцелуй в женские губы, о девочках думал часто. Даже слишком. Учеба, музыка, спорт, конечно, отвлекали его от этих дум, но при каждой малейшей возможности, тем более при появлении «объекта», не важно, представлял ли этот объект в живую, или Борис видел его в кино, мысли о прекрасном поле или конкретной, может быть, даже, осязаемой девочке, моментально занимали все его мозговое пространство. Очаровательная Жанетт в исполнении Джейн Биркин, уже превратилась в красавицу. Ее короткий, рабочий халатик парикмахерши и длинные волосы добавляли силы химизму, творившемуся сейчас в его возбужденном, не желающем засыпать, подобно окружающим, сознании. Ее решимость, активность и, в конце концов... появление этого вероломного плана в самый ответственный момент, когда, казалось бы, ее дружок, банкир Пьер уже стоял на пороге разгадки, беспокоили еще больше. Ну а пена в ванной, она сама, ее лукавая, хитрая улыбка, доводили просто до иступления.

Перед его широко раскрытыми глазами, стояли гостиничный номер с накрытым столом, длинный шнур из-за портьеры, сама Жанетт, уже в соблазнительном, махровом, отельном халатике, ее тонкая рука, засовывающая в рот бедному, протестующему, плюющемуся Пьеру мерзкую рыбу с тарелки, не оставляя ему шанса возразить, откуда-то взявшийся широкий пластырь, которым она так ловко залепила его губы... Отчетливо слышалась сакраментальная фраза Жанетт: «Я делаю это, глупенький, ради тебя!»

Боря вертелся. То, накрываясь простыней с головой, то наоборот, переворачиваясь с боку на спину и сбрасывая ее с себя совсем. Одеяло уже давно валялось на полу. Матрас напо-

вину съехал со скользкого дивана купе. Все вокруг доставляло ему раздражение, беспокойство. Занавески, станции, стук колес, стакан, простынь, одеяло, даже собственная кожа...

Что происходило с ним на самом деле, он не понимал. Его внутренне состояние походило вот на эту постель. Постель с бардаком.

Ему так хотелось, за чаем или по приезду, обсудить все это с кем-то. Но с кем? И там, в деревне... да и по возвращению...

Вообще, Боря Нестеров рос очень впечатлительным мальчиком. Иногда это мешало ему. Однажды он, вместе с папой, в новогодние каникулы, будучи в гостях как раз у стариков, катался на лыжах за городом. С довольно высоких, по местным меркам, горок. Боря, как начинающий лыжник, старался делать это легко, свободно, с удовольствием. С соседнего спуска, который сейчас бы назвали «черным», крутым, с проплешинами в виде голой земли и жухлой травы, местные, деревенские, великовозрастные ребята съезжали на так называемых «ватрушках», а именно – накаченных, резиновых камерах от самосвалов. Один из них, при неудачном спуске и падении сломал себе ключицу. Повреждение определялось невооруженным взглядом. Гематома нарастала. Владимир Андреевич оказал поломанному юноше первую помощь. Приятели вынесли его на дорогу к «скорой». Пацан этот кричал от боли, плакал... матерился. Молодой, с длинными, не очень мытыми, светлыми, мягкими волосами. В тонкой болоньевой куртке, толстом свитере и цветастой рубашке.

Борис переживал то, что увидел, еще в течение нескольких дней. Ему было так жалко этого сельского юношу, что он плохо спал, плохо ел. Поднялась температура... Он вспоминал его жалобы, стоны, торчащую ключицу...

А однажды, дедушка Андрей Андреевич, под закат уже августа, за несколько дней до отъезда Бориса в Ленинград, свозил внука на старое кладбище и показал ему могилу своей мамы, то есть пробабушки Бори. На кладбище младший Нестеров побывал впервые. И через два месяца, на отчетном концерте третьего класса музыкальной школы имени Римского-Корсакова, маленький Боря играл пьесу Петра Ильича Чайковского с грустным названием «Болезнь куклы» из знаменитого «Детского альбома». Играл... и видел перед собой ту самую могилу. Играл и плакал сам... Играл так, что всхлипывал весь зал. Играл на «бис»...

Нестеров метался по кабинету от стены к стене. Садился, вскакивал и ходил. Туда-сюда. Он клял себя за порывистое желание помчаться на работу к Ларисе, за то, что отвлек Ее от урока, заставил куда-то ехать. Он пытался восстановить каждое мгновение вчерашнего вечера в китайской чайной, все, что Она ему говорила, выражение Ее лица, интонации. Он терзался, мучался! «А вдруг что-то было не так? Ведь он приехал без предупреждения. Как Лариса это восприняла? Что Она подумала?» – думал несчастный Борис.

А этот разговор о кино... «Не упускай из виду»...и тот эпизод. В гостинице. Воспоминания, которые, мелькнули тогда и ушли, а сегодня... вернулись обратно.

Борис сел в кресло и обхватил голову руками. Смятая простынь из купе, подстаканник и крики диспетчеров на ночных станциях стояли где-то рядом, за дверью. Тогда он не спал, думая о том, с кем поделиться впечатлением от той сцены. Прошло больше двадцати лет, а ничего не стало другим. Только тремор в руках. И сигарета, нервно прикуренная со стороны фильтра. Пиджак висел на спинке кресла. Нестеров нервно снял запонки с манжет рубашки и не высоко закатал рукава. Зачем? Никто этого не знал. Сигарету, прикуренную с фильтра и неприятно запахшую, он отбросил в сторону. Закурил следующую. Нервозность продолжалась. Она нарастала, словно «цунами». И позвонить Ларисе он не мог. Боялся. Боялся усложнить, выглядеть нелепо, огорчить, прогневать... Часы показывали одиннадцать утра. Она точно

сейчас в институте. И наверняка... читала лекции очередным молодым лингвистам. Или проводила занятия. С группой. Может быть с учеником. С кем... совершенно не важно. Звонить было нельзя. Можно было написать, но и этого он сделать не мог. Слова почему-то не выстраивались. Даже самые короткие. Ни к чему не обязывающие.

О сегодняшней поездке в Тулу, Ларисе он ничего не сказал. Не забыл, а просто не решился. Вчера в чайном, китайском салоне они говорили совсем о другом. Между словами и строками... о Тедеум Витте. Словами... о друг о друге. О кино. О Пьере Ришаре, привязанном к стулу в гостиничном номере. Вчера они просто поговорили. Просто. Не о чем. Но именно вчера Нестеров переступил черту. Черту раздумий, страхов, нерешимости, усталости и однообразия. Шагнул через черту на другую сторону жизни. Здесь, на другой стороне стало светлее, лучики солнца пробивались сквозь тучи, но усилился ветер, волны захлестывали. Нестеров теперь думал только об одном... Теперь он боялся Ее потерять. Оплошать, ошибиться, смалодушничать или наоборот, оттолкнуть Ее своими, порой резкими действиями, странными словами, испугать огромным, серым мешком, висющим за спиной, с торчащими, острыми углами, набитым под «завязку» «хламом прошлой жизни».

В каждом своем самостоятельном поступке, опытный и умудренный жизнью Борис Владимирович, не смотря на свои тридцать два, начинал сомневаться. «А что на это скажет Она?» – витало в его голове. Сомневался, словно человек, который никогда в своей жизни никаких решений не принимал, и даже не пытался. Он ловил себя на этом странном ощущении. Он, который только и делал, что рисковал. Рисковал в одиночку. Рисковал, постоянно балансируя на грани.

Модная формулировка «командный игрок» никак не подходила к Борису. И уж тем более не слыл он исполнителем. «Одиночка» – так говорили о нем «за глаза». Безусловный лидер, лидер харизматичный, но «одиночка». Одиночка... от слова «одинокий», но не от слова «один».

Нестеров вдруг остро, явно и неприятно ощутил, что если сейчас он уедет в Тулу, пусть до вечера, но уедет... и ничего не сообщит об этом Ларисе, то что-то нарушит. Ту грань, которая уже образовалась. Нить, которая уже была протянута. Черту, которую он внутренне переступил, приняв самое важное решение для себя, преследуемый неукротимым желанием стать ближе к Ларисе, оставалась рядом, за спиной. Опасность сорваться, быть отброшенным назад, не давала покоя.

Паника шефа нарастала. Офис затих.

– Дядь, ну что с тобой? Может коньячку? Что случилось? – кружил вокруг партнера Алексей. Запланированные на земле самоваров и пряников две важные для дела встречи, сорваться никак не должны. Но состояние Нестерова...

Алексей выскочил из кабинета, словно срикошетившая пуля, так тяготила его атмосфера внутри. Никакого влияния на Бориса оказать сию секунду он не мог и потому растерялся.

– Валь... ну сделай с ним что-нибудь. Выезжать ведь через полчаса... Настроить его как-то нужно. Что с ним случилось... понять не могу... Валь... – Алексей говорил так грустно, взывая то к ней, то к настроению компаньона.

До желаемого выезда действительно оставалось тридцать минут. Водитель Анатолий и охранник Игорь, сотрудники охранного предприятия, работающего с фирмой Нестерова, уже прибыли в офис. Сегодняшняя поездка предполагала наличие сопровождения. Когда-то, еще и не так давно, на пике конкурентных войн, Борис Владимирович и по Москве перемещался не один. Тогда, когда дул «ветерок из могилы». Когда он «залезал» своими длинными, музыкальными пальцами в сферы, уже поделенные. В таможню, железную дорогу, крупные банки. Слава богу, тот пик прошел. Нестеров, природно умеющий знакомиться, общаться, договариваться, завладел своим «куском» в этом сложном, непредсказуемом и небезопасном бизнесе.

Прибегать к разовым услугам ЧОПа приходилось и потом, но только к разовым. К таким, как, например, сегодня.

Цель подобных сопровождений состояла в следующем: максимально обезопасить планируемую встречу с точки зрения утечки информации. Да, да... как у шпионов. Особенно, если подобная встреча проводилась, например, в общественном месте. Ну во-первых – обезопасить самого Нестерова в случае возникновения каких-то нелепых, непредвиденных ситуаций, потенциально несущих в себе серьезную опасность. Придать солидность – во-вторых. Ну и главное... всегда иметь возможность незамедлительно отреагировать на появление правоохранительных органов, особенно, например, в момент передачи наличных денег. Именно отреагировать, то есть... сделать звонок адвокату, который находился на связи в постоянном, круглосуточном режиме.

По «негласной», ненаписанной инструкции, такой звонок и в такой ситуации сделать обязан именно охранник. Он не должен мешать правоохранителям выполнять свою работу, он должен просто позвонить. Отойти на безопасное расстояние и, не привлекая к себе никакого внимания, позвонить.

В столице самоваров и пряников Нестерова ждали «бурундучки», давшие свое согласие на все условия, озвученные им в чайхоне на Новом Арбате несколько дней назад и бывшие бандиты, контролирующие все междугородние и областные автобусные пассажирские перевозки из Тулы. В ленте билета, выдаваемого каждому пассажиру, указывалась никому непонятная страховка в размере от десяти рублей и выше, в зависимости от стоимости самого билета. Схема, придуманная когда-то Борисом Владимировичем, состояла в том, что эта, так называемая страховка от несчастного случая на время поездки, на самом-то деле и являлась не более чем «так называемой». Деньги пассажир платил за билет, не вникая в ненужные, мелкие буквы. И та часть, приходящаяся как раз на эту мнимую страховку, отправлялась на счета страховой компании, а затем... за минусом определенных, оговоренных процентов, возвращалась, очищенной от налогов, в более симпатичном для заказчика услуги, наличном виде. И составляла эта часть, надежно скрытая от бдительного и недреманного ока налоговых органов страны, около тридцати процентов от всей стоимости. Суммы, накапливаемые таким вот образом, огромными конечно не были, но составляли самые вкусные, разнообразные крупницы, на которых и строилась вся империя Бориса. Сам он любил повторять: «Наш бизнес, как огромная, снежная куча, которую можно перекидать большой лопатой, а можно и маленьким совочком... Лопатой значительно быстрее, но опаснее. Можно устать, шумом привлечь к себе внимание других, сорвать себе спину или получить инфаркт. Совочком медленнее, но безопаснее, а главное, надежнее. По маленькой горсточке, сбоку, незаметно... кидать и кидать.»

И в известном смысле он был прав...

Секретарша Валя судорожно соображала, уловив растерянное состояние Алексея. Вместе они подошли к деревянной двери кабинета Бориса. Валя, собравшись с духом и очевидно разработав в своей секретарской, симпатичной головке какой-то коротенький, незамысловатый план, уже потянула руку к ручке двери, как вдруг оттуда послышался голос хозяина. Он говорил с кем-то по телефону. С кем и о чем, не было слышно. Валя... опустила руку и прислушалась. Алексей словно копировал ее действия. Теперь они оба стояли у двери кабинета шефа, создавая звуконепроницаемый щит, не подпуская никого даже близко, заговорщицки держа указательный палец прижатым к губам.

Скоро голос Нестерова стих. Валя сверхделикатно постучала... вложив в этот стук все свое безграничное уважение к шефу и трепет.

– Да, да! – послышался бодрый голос из-за двери.

– Борис Владимирович, может кофейку? – Валя говорила громко, словно ничего и не происходило.

Алексей и Валентина не верили своим глазам. Борис сидел, откинувшись в своем кресле и в буквальном смысле слова – сиял. Алексей не поверил в увиденное так, что даже зажмурился, а открыв глаза, стал вдруг выискивать на столе, на полу... или где-то рядом с Борисом, белые крошки кокаина. Он стрелял глазами, косился на партнера, но ничего похожего на остатки порошка, не находил. Только кокаин, Алексей был уверен в этом, мог привести хозяина кабинета в такое неожиданное состояние. Черная полоса прошла, будто ее и не было. Теперь сияла белая. Алексей, привыкший к частым сменам настроения у Бориса, такое преобразование видел впервые.

Борис действительно светился, словно старый фонарь, найденный на чердаке, начищенный влажной тряпкой, заполненный свежими батарейками и зажженный.

– Так! Лех! Валь! Елки-палки... а чего же вы молчите?? Ведь время! Выезжать пора! Мужики уже здесь? – Нестеров имел ввиду сотрудников ЧОПа. Он вскочил, расправляя закатанные рукава рубашки, торопливо всовывая в петлицы запонки и скидывая пиджак.

«Если не кокс, значит телефонный разговор. Ведь он только что с кем-то говорил...» – подумал Алексей.

И он оказался прав. Единственной причиной такого резкого сдвига настроения Бориса в лучшую сторону, был разговор. По телефону. С Ларисой Виленкиной.

Она... вдруг позвонила ему сама. Словно чувствуя... видя... осязая... предугадывая.

Борис схватил один из своих телефонов и отвечал.

– Привет, неожиданный гость, – смеялась Лариса. – Никто еще не приезжал ко мне в институт просто так... как это сделал ты вчера. И никто до тебя еще не смел так менять мои планы на день, – Лариса говорила не строго, ласково, улыбаясь. – Как ты? Чем занимаешься? Что планируешь сегодня делать? – теперь Она спрашивала, не скрывая серьезность, заинтересованность.

– Лариса... Лариса... да все в порядке! Ты прости меня... за вчерашнее... прости пожалуйста...

– Ну конечно прощаю... – Лариса отвечала быстро, с удовольствием. Ей нравился разговор. Она хотела услышать его голос. Именно сейчас. Именно в этот момент.

– Лариса... Дорогая... – «Дорогая»...вырвалось у Бориса впервые.

Оба замолчали. Замолчали... пытаюсь друг друга понять, ощутить.

– Так чем мы сегодня заняты? – по-матерински задала вопрос Лариса.

– Лариса... я в Тулу сейчас уезжаю. Встречи там... по бизнесу... я должен ехать.

Лариса молчала. А Борис... холодел. И только слушал. Ждал Ее реакции... ответа.

– А почему вчера не сказал? – игриво... именно неожиданно игриво спросила Лара.

– Лариса... не решился. Правда... вчера был такой замечательный вечер. Кстати... китайская чайная... потрясающее место, – Борис констатировал это нарочито серьезно, даже важно, пытаюсь скрыть свое сверхъестественное волнение.

– Борь... послушай меня... я тебя прошу... пожалуйста... всегда говори то, что есть на самом деле... всегда говори то, что чувствуешь. Не бойся... я прошу тебя... очень.

Борис уже стоял у окна кабинета и слушал... слушал... слушал... краснел, бледнел и теперь точно знал, что всегда... он будет говорить Ей то, что есть на самом деле. То, что чувствует. Отныне всегда. Пока жив.

– Поезжай, конечно. Дела есть дела. Будь аккуратнее. И пиши. Захочешь позвонить, ты знаешь, что делать. И еще... Борис... – она сказала чуть строже, – У меня к тебе настоятельная просьба... сообщать мне обо всех своих крупных передвижениях. Всегда. Чтобы у нас с тобой больше не возникало таких ситуаций, как сейчас. Ты уезжаешь в Тулу, а я не в курсе. Прислать сообщение... занимает не так много времени. В итоге я спокойна и ты... спокоен. Спокоен и продуктивен. И еще... утром... пожелание «доброе утра». А вечером... «спокойной ночи». Это не обременительно. Ведь так? И не трудно. По возможности я буду отвечать. Это...

в твоём положении... признак, если хочешь, хорошего тона. А сейчас... поезжай. Удачи тебе. И напиши, пожалуйста, когда приедешь. Все же дорога... Ну все... мне пора... пока. До связи.

Борису оставалось только сесть в кресло, расплыться в улыбке и засиять.

Игорь перевернул затвор пистолета «ТТ» и щелкнул предохранителем. Водитель Толя уже сидел внизу, за рулем представительской «Volvo S 90» кофейного цвета. Алексей достал из сейфа две огромные пачки долларов, перетянутые резинками. Под резинки он всунул желтые, липкие бумажки с нарисованной красным маркером буквой «Т». Пачки бросил в портфель Бориса. Алексей делал все быстро, с удовольствием, даже спокойствием. Он так и не обнаружил не единой крошки белого кокаина, да и уровни жидкости чайного цвета в бутылках «Samies XO» и «Martell XO», стоящих в баре кабинета, не сдвинулись.

Партнера можно было спокойно отпускать в эту не простую поездку. Алексей набросил свое кремовое, кашемировое пальто и сбежал вниз. Борис... тоже в пальто, держа портфель с бумагами, телефонами, зарядными устройствами и деньгами, балагурил с Валентиной. Выдерживал паузу, пока Алексей... инструктирует сотрудников ЧОПа и греется машина.

Вольво, попыхивая белым дымком, стояла уже напротив двери офиса. Анатолий устраивался в салоне, за рулем, настраивая под себя зеркала. Алексей разговаривал с Игорем.

– Ничего не забыл? Разрешение на оружие... телефон... гарнитура... наушник... все работает?

– Да все нормально... не переживайте. Доедем и вернемся.

– И вот еще... постарайтесь не затягивать возвращение назад. Он все закончит... и сразу домой... по возможности конечно. Ну и смотрите... аккуратнее там...

Телефон Игоря зажужжал.

– Он спускается, – Валентина четко выполняла инструкцию, предписанную в подобных случаях.

Работа Игоря, как охранника, началась. Он отвлекся от наставлений Алексея, открыл дверь офиса и шагнул вперед. Услышав шаги Нестерова, спускающегося вниз, оценил взглядом лестничный пролет и занял положение между открытой задней дверью машины и дверью офиса. Поправил наушник. Кобура с «Тульским Токаревым» под мышкой едва заметно топорщилась под короткой курткой.

Нестеров, в пальто на распахку, с портфелем в правой руке и шарфом в левой, выскочил на улицу. Его улыбка походила на карикатуру.

Карикатуру одушевленного арбуза. Он бросил вперед, в открытую дверь машины портфель. Затем пальто, шарф...

– Ну, дядь... ты как... готов? – Алексей все еще не верил в великое преображение Бориса в течение нескольких минут после телефонного звонка.

– Конечно! Все в порядке! Еду... отзвонюсь по результатам.

– Да уж, пожалуйста... – Алексей мало что понимал в происходящем, но не верить в то, что видел собственными глазами, он не мог.

Борис нырнул в машину. Телохранитель закрыл за ним дверь. Тут же поднялись задние шторки. Игорь занял свое место рядом с водителем. Машина тронулась, вплотную приблизившись к воротам. Алексей махнул рукой и скрылся за дверями особняка. Он медленно поднимался по лестнице. Хмыкая, удивленно пожимая плечами.

– Ну? Как?? – выбежала к нему Валентина.

– Уехал... как... а дальше не знаю. Я вообще ничего не понимаю... что с ним было такое... я уж встречи хотел отменять... вернее пытаться... – Алексей понимал, что отменить встречи он сам... не мог. Такими возможностями обладал только его старший партнер. Да и сделать такое... отменить встречи без видимой на то причины, мог снова... только он.

– Так! Мужики! Ведь через Люсиновскую поедем?

– Да, Борис Владимирович, – четко отвечал водитель, уверенно управляя автомобилем, перестраиваясь из одного ряда в другой и посматривая в зеркала.

– Вот, шикарно. Значит, тормознем на секундочку у Макдональдса, я кофе возьму. Кофе хочу! А там, кстати, классный кофе. А то в офисе не успел ни хрена... Закрутился совсем... – Борис говорил радостным, довольным голосом.

Машина сделала разворот, по Ордынке пересекла Садовое кольцо и сразу в начале Люсиновской улицы, прямо рядом с МакАвто, остановилась. Игорь выскочил первым и открыл дверь со стороны Бориса.

– Вам взять?? – собираясь выбираться из машины и бежать за своим кофе, бодро спросил сопровождающих Борис.

Игорь окинул его коротким взглядом. Взглядом профессионала. Многозначительным, подчеркивающим всю нелепость фразы, произнесенной только что.

– Ох... да... что это я, – Борис, не одевая пальто, не взирая на начавшийся дождь вперемешку со снегом, ринулся к окошку, в котором маячил паренек в очках и красной кепке с козырьком и хорошо узнаваемой надписью. Машина стояла вдоль других, припаркованных авто. Нестеров купил большой бумажный стакан «Американо». Его очередные, модельные, коричневые ботинки на деревянных каблуках скользили по мокро-снежному асфальту. Он протискивался между грязных машин, гордо неся перед собой стакан с кофе, а Игорь, тем временем, перекрыл движение крупному мужчине, который, очевидно, пытался пройти к своему транспортному средству. Игорь так неожиданно для мужчины перекрыл ему дорогу рукой и дождался, пока Нестеров, вместе с кофе прыгнет в авто.

Вольво помчалась по Люсиновской улице вперед, к Варшавскому шоссе, прорываясь в сторону Тулы.

Нестеров сделал вожделенный глоток горячего напитка. Откинул голову на кожаный подголовник. Закрыв глаза и расплылся в улыбке. Теперь... можно было не торопясь подумать, проанализировать, помечтать...

Сейчас он был похож на капризного, болезненного малыша, которого вытащили из песочницы, вымазанного песком, глиной и кошачьими фекалиями и приволокли домой, а дома, сунули под душ и мыли... мыли... мыли. Мыли, а он рыдал! И теперь, его, чистого, прозрачного и душистого, высушенного огромным, полотенцем, нагретым на батарее в ванной, отпустили к себе в детскую комнату и дали любимых солдатиков. Теперь он в них играл, забыв обо всем.

В его голове снова проплывал вчерашний день, китайская чайная и Лариса. Он вспоминал, как хорошо Она чувствовала его, когда он, забываясь и закатывая глаза, рассказывал о фильме «Мой друг Иван Лапшин», а чувствовала и понимала потому, что сама прекрасно, практически наизусть, знала этот киношедевр. Для Нестерова все это было важно. Он истосковался по общению не только с красивой, но и с умной женщиной. А Лариса, Она была хороша во всем.

«„Не упускай из виду“...да... этот фильм... эта сцена... почему-то Она вспомнила именно о ней... мистика какая-то... ведь я отлично помню... тот летний просмотр в Стереokino и ту ночь в поезде... а потом... ведь я не раз в мыслях, мечтах, возвращался к этому фильму. Легкому, довольно пустому, старому, с молодым и великолепным Ришаром... и той сценой в гостинице... со стулом, рыбой... шнуром и пластырем...»

«Не упускай из виду». Борис вдруг разобрал эту надпись, сделанную карандашом на трехчасовой видео-кассете «BASF». Он нашел ее в разделе «Комедии» на верхней полке маленькой комнатки видео-проката. Молодой человек, жующий жвачку и надувающий клубничные пузыри, сложил кассеты, взятые Борей в стопку и посчитал деньги. Нестеров брал фильмы обычно на два дня. В пятницу вечером, когда возвращался домой из Ярославля, с учебы. Он привозил уже с собой, как правило, несколько кассет, взятых у новых приятелей по институту и кроме этого, направлялся в видео-прокат.

Догорал сентябрь девяносто первого года. Шел второй курс. Борис... уже больше месяца жил отшельником. Весь первый курс института он гулял и пьянствовал, пропивая деньги, заработанные фарцовкой. Учился и пьянствовал. Все успевал. По ночам раскалывал «орешек знаний» анатомии и физиологии, уткнувшись в Атлас Синельникова, по пятницам пил в Ярославле, с друзьями новыми, уже институтскими, по субботам и воскресениям в Рыбинске с друзьями старыми, а в дни остальные, после занятий, бегал в поисках разливного пива или крепленого вина. Молодой, натренированный организм Нестерова пока с нагрузками справлялся и только ойкал, получая очередную дозу в виде бессонной ночи либо с учебником в руках, либо с бутылкой.

Закончился первый курс, закончились и деньги. Бездарно закончились.

Не спас Бориса даже заработок, привезенный из первой поездки в Крым в стройотряд, на консервный завод. Этот заработок... он сумел потратить в течение одного дня. Точнее двух. Последних субботы и воскресенья августа. У себя в усадьбе. Напоив тридцать или сорок человек.

Собрались стихийно. Поводом послужила мысль об окончании лета и скором начале очередного, учебного года. Нестеров и его школьные друзья отмечали начало именно курса второго, а кто-то, кто тоже был там, начало третьего. А кто-то – четвертого. Кто-то отмечал окончание техникума, а кто-то... пил просто так.

Сама деревня Белово, приходившая в упадок после объявления о сносе в связи с прокладкой газопровода, содрогнулась от страха, словно юная девственница при виде джигита. А дачники, радующиеся последним, теплым денькам, тишине, грибам и яблокам, не спали ночь, опасаясь, что их дома попросту сожгут. Соседи не стали прибегать к активным действиям. Вызывать кого-то или брать в руки колья. Семья Нестеровых слишком много значила для них. Андрей Андреевич, который и формировал вокруг себя этот дачный конгломерат, Владимир Андреевич, лечивший всех и Нестеров младший, Боря, которого знали здесь все без исключения, а некоторые носили его на руках... еще совсем крошечного. Соседи только стояли у окон и качали головами.

«Эх... Боря, Боря...» – говорили они.

Ровно сутки в их доме грохотала музыка. Два дня подряд, вокруг, на поле, возле прудов горели костры. Большие... организованные в бочках, маленькие на которых кто-то жарил мясо, кто-то хлеб с колбасой, а тем, кому не доставалось не того ни другого, жарили лесные грибы и коренья.

Два дня по деревне, округе, лесам и полям... шатались какие-то пьяные личности, падая в траву, припадая к березам и засовывая пальцы в рот для вызова рвотного рефлекса. Всем было весело вокруг, а группа юношей даже пыталась угнать моторную лодку...

Периодически ревел мотор «Уазика», подаренного заводом прославленному Андрею Андреевичу, бессменному главному инженеру, а затем и директору, когда провожали на пенсию. Машина пролетала мимо домов то в одну, то в другую сторону несколько раз. Рулил сам

Борис, держа неизменную сигарету в зубах. Соседи замечали только, как странно менялась его одежда. Днем футболка, затем вызывающая рубашка с невнятным рисунком, вечером фуфайка и красная бейсболка американского гольфклуба. Сигарета и вытаращенные глаза только оставались прежними. Последний раз огоньки фар проскакали уже поздно вечером и только потом шум мотора стих.

Сын мэра города Андрей Канаев, тоже студент-медик, окончивший, как и Нестеров, первый курс, проходивший летнюю, санитарскую практику не в больнице, а почему-то на мясокомбинате, привез с собой эмалированное, двенадцатилитровое ведро маринованного мяса. Его одноклассник, студент местного авиационного института и сын одного из городских, милицейских начальников, привез себя, шампуры и подругу. Девицы... еще какие-то харчи, в виде банок с зеленым содержимым, а школьный друг Бори, Леня – огромную кастрюлю натуженной мамой картошки с мясом. Все остальное – водку, пиво в бидонах и пластиковых бутылках, жаренные эскалопы и ромштексы, сыр, колбасу, оплачивал и доставлял сам Боря. Ну а помидоры, огурцы и яблоки привозить было не нужно. Они лежали в ящиках и радостно ждали гостей.

Приехали утром в субботу. Первая группа молодых людей уединилась сразу, захватив с собой почему-то батон белого хлеба, банку майонеза и несколько бутылок «Пшеничной». Уже через час двое из той группы остались лежать между грядками, прикрытые для тепла картонками и лопухами.

На другой стороне дома, Канаев созвал всех девиц вокруг мангала и театрально жарил шашлык. Девушки подносили ему стакан, наполненный водкой примерно на треть, с интервалом в пятнадцать минут. Канаев, как хирург, с поднятыми руками, засученными рукавами, нанизывал мясо на шампуры, а девицы, сопровождая это все звонким хохотом, опрокидывали ему водку прямо в рот. Через пару часов, на виду у всей изумленной публики, по дороге в сторону лыжной базы, прокатился мотороллер «Муравей», на котором когда-то, Андрей Андреевич любил перевозить сено, часто привлекая к вождению внука. Но ни деда, ни внука там не было. Рулил неизвестный молодой человек, в штанах, сапогах, выправленной рубашке, толстовке и почему-то в вязанной шапочке на голове, а сзади, в кузове, сидели другие неизвестные, группой из пяти человек, напротив друг друга. С нахмуренными бровями они тихо пели песню «Комсомольцы-добровольцы» и пили водку прямо из горлышка. Пили аккуратно, сосредоточенно, передавая бутылку из руки в руки, стараясь ничего не пролить.

Все стихло часам к пяти утра воскресенья. Дом затрясся от храпа и стонов.

Утром... солнышко сменилось морозящим дождиком. Стало совсем тихо. Из дома никто не выходил. Соседи начали успокаиваться и даже забывать все то, что на их глазах происходило еще вчера.

В районе одиннадцати часов утра на тропинке, поднимающейся в деревню от ручья, появилась девушка. Стройная, симпатичная брюнетка с прямыми, длинными волосами, в джинсах в обтяжку и курточке. В руках она несла большой, яркий пакет с иностранными надписями. Лицо выражало явное недовольство. Поднявшись в деревню, она остановилась, озираясь. Кто-то из проходящих мимо показал ей, где находится усадьба Нестеровых...

Девушка с пакетом постучалась в дверь крыльца и, не дождавшись реакции, вошла. Ее встретили темный, длинный коридор, запахи меда, яблок, теплых, нагретых летом, бревен, скрип широких, деревянных половиц. В темноте просматривались двери, массивные, высокие, справа и слева. За одной из них девушка услышала голоса и звон посуды...

В самой большой комнате, обращенной окнами в сад перед домом, с огромной, русской печью с лежанкой, камином и круглым столом, сидели люди. Человек около семи. Исключительно молодых людей. Без девушек.

На столе, покрытым тканью с разноразмерными, разноцветными пятнами от еды, мало напоминающей скатерть, стояли чайник, чашки, стаканы, огромное блюдо с кусками холод-

ного мяса и лука, грязные тарелки, несколько бутылок водки, целых, непечатых, заполненных на половину или на треть. Беспорядочно разбросанные вилки вполне гармонично сочетались с огрызками от яблок, надкушенными кусками белого и черного хлеба, сыра. В комнате висел стойкий запах перегара, смешанный с запахами березовых дров и печного дымка.

Вошедшая девушка окинула взглядом всех и Бориса нашла не сразу. Он не сидел, а лежал. На диване, за спинами сидящих. Лежал на боку, поджав ноги, в подсыхающих джинсах и толстовке, точно так же, как и полтора года назад, зимой. На свое семнадцатилетие...

Девушка, ничуть не смутившись, достала из пакета бутылку шампанского и водрузила ее по центру стола, нарочито воткнув в лужицу меда.

Теперь... «натюрморт» был завершен.

Личности, которые сидели вокруг стола, замолчали. Все это больше походило на театральную мизансцену из спектакля по очередной пьесе незабвенного Островского.

Сидят за столом люди, говорят и появляется гость. Все присутствующие умолкают.

Красавица, оттенившая перегар ароматами французских духов, свежести, утренней прогулки, с бутылкой шампанского «брют» и виноградом, на фоне людей, трезвеющих и не очень, в одеждах, попорченных кетчупом, майонезом, маслом от шпрот, крошками, кольцами маринованного лука и пятнами от рвотных масс, выглядела словно «святая» среди безумных и страждущих.

«Крутые», черные кудри Канаева, напитанные алкоголем, поднимались над головой и напоминали пух одуванчика, готовый взлететь при малейшем дуновении ветра. Леня, в грязно-зеленом, вязаном свитере с рисунком в виде каких-то людей, встречающих некий летательный аппарат и машущих руками, с рыжими, всклокоченными волосами и влажным от спиртовых паров, лбом, открыл от изумления рот, обнажив еще не проглоченный кусочек сыра. Он никак не предполагал увидеть здесь, утром... девушку, такую красивую, да еще и работающую учительницей в школе, которую недавно закончил. Что-то отдаленно напоминало ему, что у друга его Бориса когда-то был с ней роман. Настоящий, школьный роман.

Канаев, вспомнив о вежливости, поднял левую руку, словно робот и совершенно молча, жестом, пригласил девушку к столу.

Леня, не отрывая от нее своих замутненных, влажных глаз, не закрывая рот, правой рукой стал пытаться нащупать спину или плечо друга, который валялся за его спиной.

Нестеров оторвал голову от подушки. Оторвал с трудом, преодолевая себя. Голова, оказавшись в вертикальном положении, закачалась. Открылись отекавшие глаза. Они всматривались в Елену. Борис часто моргал, очевидно, пытаясь убедиться в реальности происходящего. В реальности увиденного. Навернулись крупные слезы.

Она присела на край поданного кем-то стула. Тишину нарушил хлопок вылетающей пробки из бутылки шампанского. Забулькала водка. Зашумел чайник. Закряхтели люди. Появились добродушные, наивные улыбки. А Боря... Боря молчал и смотрел на Лену, не отрываясь.

Молодые люди, прихлебывая водку, шампанское и чай, пожаловались появившейся фее на своих неблагодарных подруг, которые, оценив масштаб бедствия с точки зрения предстоящей уборки и воспользовавшись их крепким, чудодейственным сном, рано утром, под покровом тумана, покинули дом и деревню.

Красавица, слушая это, звонко смеялась. Нестеров только улыбался и по-прежнему молчал.

После полудня, протрезвев или похмелившись, все дружно мыли посуду и наводили порядок. Хохотали, рассказывали похабные анекдоты. К вечеру торжественно уехали. Забрали с собой тело Канаева, не справившегося со вторым, тяжелым, захлестнувшим его окончательно, приступом опьянения. В доме остался Борис. И она. Елена Николаевна Лебардина. Учительница английского языка начальных классов спецшколы.

По голове его стучали большие, деревянные киянки из школьных мастерских. «Почему она решила приехать?» «Как она добралась?» «Зачем...?»

– А ты видел, в каком состоянии машина? Она стоит за домом... видел? – вдруг спросила она.

Начинало темнеть. Дождь прекратился совсем. Становилось почему-то теплее. Деревня пустела. Минутки воскресенья таяли.

За домом стоял брошенный «Уазик». Именно брошенный. Не запертый на ключ. Весь залитый грязью. Комья земли лежали на капоте и тентовой крыше. На лобовом стекле, забрызганном коричневыми пятнами, выделялись два треугольника, обращенные основанием к низу, вырезанных щетками.

– Скажи... Борь... только честно, ты не встретил меня сегодня утром, потому что не смог?

Ответа не последовало, только перестали стучать киянки. Боль стала проходить. Наступала ясность. Вчера, Борис Нестеров, поздно вечером, в состоянии сильного алкогольного опьянения, сев за руль, отправился на базу. Помчался, освещая дорогу фарами и поднимая потоки грязной воды из луж до небес. Он хотел позвонить. Позвонить ей... Он хотел увидеть ее. Прямо сейчас. А она, вопреки его желаниям, смогла приехать только утром, и он... обещал ее встретить. Обещал, но как это часто бывает в таких ситуациях, об обещании забыл. «Хотел, как лучше. Но получилось как всегда» – именно эта знаменитая фраза отражала суть произошедшего.

Елена покачала головой.

– Дурак ты, Нестеров. Дурак... и плохо кончишь.

Елена сидела на переднем сидении грязного «уазика». Мотор работал. Борис закрывал двери. Сумерки сгущались. Звучно хлопнула дверь, и машина тронулась. Они медленно ехали по дороге вдоль поля. Борис управлял неуверенно. Его левая нога еле-еле дважды выжимала сцепление, а правая рука, слабая, словно после инсульта, натужно, рывками, переключала передачи. На стекло летели листья. От лета не осталось и следа. Длинные, уже желтеющие травинки, крапива, торчащие между проторенными колеями склоняли свои головы под тяжестью надвигающейся «горы». Стальной и пахнущей горячим мотором, и бензином.

Машина спустилась к реке и остановилась. Речная вода, которую Борис зачерпывал в пластмассовое ведро, холодила руки, трезвила, добавляла сил. Он уже живее, более споро, поднимался с наполненным ведром от кромки реки наверх, на мыс, к автомобилю. Лена сидела рядом, на камне, покрытом мхом, смотрела на противоположный берег и не торопливо курила.

Вот здесь, пять лет назад, впервые, он ее поцеловал...

С капота стекала речная вода, выплеснутая из ведра. Загорелись бакены. Тихо и пусто было вокруг. Чуточку тоскливо. Неопределенно. Листки ушедшего времени перелистнулись быстро, на одном только вдохе. Не один из них не выпал, только загнулись уголки...

Борис и Елена словно прощались с этим местом. С этой рекой. И друг с другом.

Поверхностно смыв пугающую грязь, они отправились дальше, в сторону базы, откуда еще вчера Нестеров звонил Елене. Там она оставила свою беленькую «восьмерку» и, не дождав-шись Бориса, прошагала полтора километра пешком. Она могла и уехать, но все же пришла...

Ключи от «уазика», по давней традиции, Борис оставил у техников на базе. Они повесили его на крючок.

Вечерние краски сгустились совсем. Опускался туман. Перед белой машинкой, подсвечивающей пространство позади себя красными фонарями, открылись ворота. Машина поднялась на гору и окончательно скрылась из вида. Хлопнула дверь будки возле ворот. Залаяли собаки.

Казалось, что время остановилось совсем. А оно... просто летело с бешеной скоростью.

В городе они решили – если дома у Нестерова никого, то он быстро поднимется в квартиру и украдкой, словно вор, соберет вещи, оставит записку о том, что уехал в институт и исчезнет. Исчезнет у Лены. Побудет у нее до завтра, до понедельника и только потом поедет в институт. Его не контролировал никто. Уже давно.

Так и случилось. Его окна не горели. Елена ждала его в машине.

У нее дома, в уютной и почему-то теплой квартире, Борису стало плохо. Он попробовал что-то съесть и его несколько раз вырвало.

– Дурачок ты, Нестеров... и плохо кончишь, – в очередной раз повторила Елена, постелив ему в комнате на диване.

Он пытался заснуть, дрожа и натягивая на себя теплый плед. В комнате, в которой когда-то, впервые, под звуки видеоклипа песенки «Wonderful life», он стал мужчиной. В шестнадцать лет. В комнате, в которой он, впервые, прикоснулся к «оголенным проводам» отношений, скрытых от посторонних глаз.

Теперь... спустя почти месяц, он брел один, с пакетом, наполненным видеокассетами. С наушниками в ушах и «Depeche Mode» на кассете в плеере «Sony Walkman». Брел в полном одиночестве. Не узнавая города, в котором заканчивал школу. Не узнавая лица прохожих, погоду, запахи. Не встречая знакомых. Все здесь вдруг стало чужим. Неузнаваемым. Телефоны молчали. Кто-то уехал в Америку, кто-то собирался жениться. Кто-то просто покинул этот город. Елена уволилась из школы и уехала. Навсегда. Ему ничего не сказав. Ему никто и ничего не говорил. Так быстро все развалилось, закончилось, исчезло, сломалось.

Борис шел быстрее, стараясь скорее покинуть улицу. Спрятаться в своей комнате в родительской квартире. Запереться. Занавесить окна и поставить кассету...

Так протекали его выходные уже на протяжении месяца. В абсолютном одиночестве и отрешенности. Каждую пятницу или субботу он приезжал домой. Отвечал на одни и те же вопросы родителей, ел и уходил в свою комнату. На кровать, к видео-двойке Sony, напоминающей о былом, фильмам... и грусти к самому себе, мыслям, мечтам, ожиданиям. Его руки уже скоро как год не касались клавиш...

Борис скрылся за дверью подъезда. С радостью «маленького» человека, сбежавшего от людей. Через ступеньку, прыжками, поднялся на третий этаж. Он хотел, как можно скорее добраться домой. Родители лежали в гостиной на разобранном диване перед телевизором и молчали. Он тихо насыпал в тарелку сваренные макароны, бросил кусок сливочного масла, натер туда сыра и юркнул в свою комнату. Теперь... можно было оставаться с собой как минимум до утра. И с фильмом «Не упускай из виду», за которым Борис решил спрятаться от мира, как за высокой, непроницаемой стеной. Он выключил свет и поставил кассету. Застывшее сердце оживило. Борис сел вплотную к маленькому телевизору и взял в руки пульт. Полетели вперед кадры. А вот и рыболовная шхуна, рыба в сетях, гостиничный номер... и коварная улыбка очаровательной Жанетт. А вот и стул... растерянный Пьер... а здесь... «стоп».

Снова мелькнул перед глазами Невский... и бессонная ночь на вагонной полке. Стало даже не по себе. Он лег, оставив кадр «висеть». Закрыв глаза. Жанетт и Пьер согрели его, став лучшими друзьями. Вся эта сегодняшняя жизнь стерлась, как мел со школьной доски.

Через пару часов кровать его заскрипела. Он сел, поставив свои босые ноги на прохладный, паркетный пол. Его руки повисли на коленях, словно сухие ветки. Видеомагнитофон и телевизор уже давно перешли в спящий режим, закрыв глаза, задернув шторы, напоминая о себе только красными, приветливыми огоньками. Его голова опустилась. Руки крутили невидимый калейдоскоп. Причудливые, поражающие воображение, узоры вдруг рассыпались. Цветные осколки не складывались, но сбивались в уродливые, ужасающие картинки.

Машина мчалась по Варшавке. В крайне левом ряду, помигивая фарами, предлагая уступить дорогу. Нестеров, загородившись от дороги шторками, ровно так, как когда-то он загоривался от повседневного бытия французским фильмом, о котором вдруг вспомнила вчера Лариса, сложил руки на груди, наклонился, затем снова откинулся. Он не находил себе места. Волны тепла, вызванные недавним Ее звонком, воспоминаниями о вчерашней встрече сменялись холодом, темнотой, преследовавшими его все последнее время. Он словно попал в свою внутреннюю весну... в конце календарной осени, в весну, когда на солнце становилось уже тепло, а в тени, падающей от домов, было еще откровенно холодно.

Он снова покрутил калейдоскоп и заглянул внутрь. Темные, невыразительные цвета сменялись на светлые, песочные, нежно розовые. Появлялись рисунки, напоминающие улыбки Ларисы... Жанетт. Трубку можно было крутить смелее и не бояться заглядывать.

В Туле Нестеров прекрасно провел обе встречи. Работал вдохновенно, на душевном подъеме. Обсудил с банкирами все детали предстоящих транзакций, нюансы договоров. Шло все своим чередом и с тульскими бандитами. Они получили деньги и тут же нарисовали ему новую «тему», связанную с Новомосковским химкомбинатом. Нестеров, словно опытный гимнаст, ухватился за брошенный шест и тут же выдвинул профессиональное предложение о том, как по нему забраться. До самого верха. Забраться и вытянув руку, снять, подвешенную высоко под потолком, корзинку с золотыми монетами.

Водитель и телохранитель четко, по минутам, как предписано, без единой помарки, выполняли свою работу. Не возникло задержек, осложнений, опасностей. Он сообщал обо всех своих передвижениях Алексею... и Ларисе. Он отказался остаться. Отказался от предложенной бани с девочками. В районе полуночи вернулся в Москву и сразу поехал домой. Дома, сбросив ботинки и пальто, он плеснул в бокал коньяк и доложил Ларисе о том, что приехал. Написал сообщение и получил нежный, ласковый ответ. Пожелал Ей спокойной ночи... и прошел к окну. Изменил его сложную геометрию, дав возможность свежему, уже почти зимнему, ночному, московскому воздуху вторгнуться в его холостяцкую, шикарную нору. Нестеров глубоко дышал и вслушивался. Где-то там шумело Садовое... а за ним... засыпала Лариса. Он чувствовал Ее запах в этом духе ночной Москвы.

Год неумолимо приближался к своему завершению, финишной черте. Нестеров зашел на последний «круг», на декабрь. Последние несколько лет он давался ему плохо, отнимая от «закисленной» души последние силы. Борис проходил этот круг с надрывом, сменив бег на шаг, считая метры до ленточки.

Он делал так всегда, суеверно принимая тридцать первое число за некую, очередную, жизненную черту. Черту, которую требовалось преодолеть. Черту, за которой всегда будет легче. За сутки или двое до нее, он традиционно садился в кресло в кабинете и перелистывал страницы ежедневника. Ставил точку. За несколько часов до полуночи он принимал душ, смывая с себя пот, усталость, старясь забыть о пройденной дистанции. Думая уже о новой, веря в то, что вот на этот раз, он пройдет ее лучше, быстрее, ворвется в следующий сезон победителем. Но годы шли, а форма так и не приходила. Сил становилось все меньше. Мечты о глобальном, вселенском успехе таяли, как утренние грезы.

На этом последнем круге, Нестеров, как правило, становился невыносим. Вечно раздраженный, неудовлетворенный, больной, лающий, он становился обузой, помехой для всех. Даже для партнеров, которые жили за счет его дела. Ведь все готовились встречать новый год, настра-

ивались, бегали по нарядной Москве в поиске каких-то приятных вещей. А он... расплескивал деготь вокруг себя и на всех, не делая исключений.

Борис походил на странного лыжника, которого гнали на финиш, сообщая отставание, а он только ругался, порой не прилично, пытаясь ткнуть палкой каждого, кто напомнит о времени...

Второе дыхание открылось впервые. Нестеров перестал огрызаться на тех, кто его подгонял. Он только бежал, бежал быстрее, отыгрывая секунды, несмотря на то, что пройденная дистанция стала одной из самой тяжелой в его жизни, трудной, изматывающей.

С Борисом произошла странная метаморфоза. Он больше не нуждался в подгоняющих и криках «Давай, давай!». Он работал сам. Работал, словно знал о награде. Награде, которую неожиданно посулила сама судьба. Открылось даже не второе, но третье дыхание.

Борис, на радость партнеров, а особенно Алексея, вдруг сам, именно САМ составил список лиц, которых он собирался поздравлять. Туда вошли и старые клиенты, и недавние и даже те, с которыми только шли переговоры. Кабинет заполнялся красивыми коробками, пакетами, корзинами, бутылками вина, шампанского, коньяка. Нестеров, прямо с утра, брал список и вычеркивал людей, которых навещал накануне. Отмечал тех, к кому собирался сегодня. Пил кофе, воодушевленно и с удовольствием курил. Обсуждал все текущие дела. Много подписывал. Генерировал идеи и хорошее настроение. Симфонический оркестр под названием «Империя Нестерова» снова заиграл стройно, мощно, заставляя слушателей переживать. На столе, перед ним, теперь лежали все его мобильные телефоны, заброшенные в дальние углы еще совсем недавно. И как прежде они звонили с промежутком в несколько минут или секунд. Звонили, гудели, то один, то другой. И Нестеров отвечал. Отвечал на каждый вызов. С нескрываемым удовольствием, неподдельной заинтересованностью в голосе, готовый решить любую проблему, придумать идею, просто поболтать или пожелать хорошего дня. Он дышал, розовел, креп. Финишный круг давался ему неожиданно легко. Так легко, что казалось – изнуряющей, опустошающей, драматической дистанции, которая предшествовала, вовсе и не было.

Они не встречались. Лара принимала зачеты, закрывала семестр, занималась с учениками. Они не встречались, и Нестеров относился к этому хорошо, вдумчиво, легко, отгоняя все ненужные, запрещенные мысли. Это получалось. Он довольствовался сообщениями в течение дня, пожеланиями доброго утра и доброй ночи, короткими звонками. Он жил, держа в руке телефон, тот, от которого начинался хрупкий мостик к Ларисе, словно талисман. Канаты мостика становились толще, прочнее. С каждым днем их становилось все больше. Мостик качался, но канаты держали.

Почти каждый день, вечером, Нестеров, проезжая по Большой Никитской, останавливался возле дома Ларисы и всматривался в окна. Втягивал ноздрями воздух. Посылал невидимый поцелуй. Дома... он дышал рядом с открытым окном, словно повторяя какую-то мантру, придуманную им самим.

Звонили старые подруги. Что-то предлагая, высказывая горячее желание увидеться, задавая неудобные, но вполне ожидаемые вопросы. Борис отвечал, ощущая себя Костиком из «Покровских ворот». Рассказывал о длительной командировке. О Ноевом ковчеге, о спасении мира. Об эмиграции и Храме Весталок.

Он работал топором, разрубая опоры мосточков через ручейки. Становился заправским минером, взрывая опоры крупных виадуктов, оставляя нетронутым лишь один, хрустальный мост...

По мере приближения законного финиша, Нестеров все больше мечтал, фантазировал, представлял. Он думал о тридцать первом числе. О ночи с тридцать первого на первое. О том, о чем он будет с Ней говорить, чем радовать, чем удивлять. Не давал покоя и фильм... которого они коснулись там в чайной и который повис в воображении у Бориса... вероломной улыбкой, но не Жанетт, а Ларисы. В том числе и об этом можно было поговорить в эту ночь. Конечно

вообще о кино и об этом простом, даже глупом французском фильме. Затронуть его вновь. Вскользь. Деликатно. Попробовать разобраться в таинственной, неясной природе этого странного совпадения, которое кололо. Словно инородное тело.

Нестеров даже сделал несколько звонков в рестораны Москвы, славящиеся именно уютom, романтичностью, дающих возможность женщине и мужчине уединиться, поговорить о сокровенном.

Он мечтал и звонил, но у Ларисы не спрашивал. Неожиданно Она сказала об этом сама.

– Ты знаешь... Борь, у нас есть традиция. Уже несколько лет, на католическое Рождество, мы с мамой уезжаем в Италию. На новый год мы там и возвращаемся, как правило, числа пятого января. А уезжаем... числа двадцатого, двадцать второго.

– В Италию...? – Борис содрогнулся. Нахлынул жар. Тяжелый, наполненный до краев, бокал, словно выскользнул из рук, готовясь к стремительному падению на твердый пол и разрушению.

– Да... в Италию. Подруга мамы, Инесса, там живет. В Вероне. Мы каждый год ее навещаем. Летим в Милан, а затем едем в Верону.

Нестеров молчал.

– Вот что... дорогой. Я не говорила тебе об этом раньше и это конечно плохо. Не было подходящего случая. Я тебя понимаю... ты огорчен... немного расстроена и я. Но Борь, я тебя очень прошу запомнить все, что я сейчас тебе скажу. Я тебя очень прошу не делать НИКАКИХ выводов в связи с этим. НИКАКИХ. Абсолютно никаких. Ты меня понял? Это наша традиция. Две недели пролетят незаметно, – Лариса говорила эмоционально, проникновенно. Борис чувствовал Ее легкое волнение. Ласковую улыбку, когда она говорила о двух неделях, которые пролетят. Это передалось... Жар сменился ознобом. Пальцы удержали бокал.

Нестеров явился сам себе прыгуном с вышки. Но не в воду, а на ту сторону мрачной жизни. На сторону светлую. Нужно было собраться и прыгнуть. До прыжка оставались минуты. Но вдруг... песочные часы кто-то перевернул и отсчет пошел снова. Нестерову дали еще время насладиться предвкушением прыжка, полета, погружения в свет. Он отошел от края, обмотался теплым полотенцем, чтобы согреться.

– Ларочка... может нужна моя помощь? Вас проводить? – Нестеров говорил это радостно, чуточку услужливо.

– Боренька... мы вылетаем двадцатого... утром... провожать не стоит. Мамин водитель нас отвезет. Не беспокойся, пожалуйста. И не о чем плохом не думай! Будь хорошим мальчиком... – эта последняя фраза прозвучала впервые.

– Конечно, конечно, как скажешь! Я буду хорошим мальчиком... – он выдавил эти последние слова из себя не натужно, но легко, словно хвастаясь, со слепой гордостью выставляя напоказ то, что так долго скрывал. – И буду ждать... Лар...

– Вот и умничка! А мы двадцатого и двадцать первого побудем в Милане, а потом в Верону. А там посмотрим... возможно съездим в Венецию на Рождество...

– В Венецию?

– Да... в Венецию... – чуть удивленно отвечала Лариса, чувствуя перемену в голосе Бориса. – Уверена, что ты там бывал, хоть и не рассказывал, я права?

– Да... Лар... бывал.

– И в Милане? И в Вероне? Катался на лыжах?

– Да... и на лыжах, тоже, – Нестеров отвечал неуклюже, скомкано.

– Я приеду, и мы поделимся ощущениями... ведь ты хочешь мне все рассказать? Я догадывалась о том, что ты ТАМ был, но не знала наверняка... только догадывалась. Северная Италия... одно из моих любимых мест в Европе.

– Конечно... Ларочка.

Борис вздохнул. Его тяжелый вздох смешался с рыком. Словно у льва, некогда дикого, но прирученного, сидящего на тумбе и жаждущего прыгнуть в горящий обруч.

Он действительно был там. Полгода назад, весной. В течение целых двух месяцев. Не отдыхал, не катался на лыжах, но скрывался.

Двадцатого декабря Виленкины улетели. Рейсом на Милан, в девять утра. Самолет взлетал, а Борис Нестеров, будучи уже в офисе, смотрел в окно, на декабрьское, утреннее, подернутое темно-голубой дымкой, небо и провожал. Мысленно он был там. В том самолете. С Ней и Ее мамой, которую рисовал только в воображении.

Заскучал. Неистово. Сразу, как только самолет поднялся в воздух. Стало труднее дышать. Он закурил, затянулся и почувствовал себя не важно. Закружилась голова. Борис не стал докуривать, бросил сигарету и попытался отвлечься. Кто-то позвонил.

Через три часа Лариса написала ему сообщение. Коротенькое, но такое ясное, солнечное. Сообщила о благополучном прилете.

Переписка между Россией и Италией наладилась. В том же режиме. Борис работал, поздравлял, встречался, всех поражал и писал. Писал Ларисе сам и отвечал на письма Ее. Писал эмоционально, вкладывая себя, все что знал и чувствовал в каждую букву, запятую, точку, многоточие...

Двадцать второго Виленкины прибыли в Верону. А еще через день, Лариса сообщила Нестерову о принятом решении все же на Рождество поехать в Венецию.

Однажды Нестеров написал: «Ларочка... вы уже там?»

«Да, Боренька, уже в Венеции. Вот только недавно приехали», – Она добавила смайлик.

«Лар... а где вы сейчас?»

«Площадь Рима... Борь... а где же еще... садимся в катер-такси...»

Нестерову стало нехорошо. Он отставил в сторону тарелку с куском мяса. Сделал глоток воды, смочив моментально высохшие губы и рот.

– Дядь... что случилось? Ты бледный...

Трое импозантных мужчин, вышедших на станции Санта-Лючия из поезда Милан-Венеция, почти синхронно, одели солнцезащитные очки.

Алексей Тихомиров, Сергей Статный и Максим Монин прибыли в Венецию из Милана. Еще сегодня утром их провожала апрельская Москва. Нагрянули эти щеголеватые господа с одной целью – найти Бориса Нестерова. Найти и договориться. Настоять на возвращении в Москву. На восстановлении отношений. Деловых, партнерских, дружеских наконец. На восстановлении общего дела.

Около трех недель назад в офисе банка в Мерзляковском переулке они крупно, размашисто поссорились. Отвесив друг другу взаимные оскорбления. Монин, который играл в ссоре «первую скрипку», назвал Бориса «наглым щенком».

Максим владел контрольным пакетом их общего банка. Борис имел в нем одиннадцать процентов и являлся младшим партнером. В структуре собственников страховой компании, промежуточных брокеров, консалтинговой фирмы, которые все без исключения имели расчетные счета в банке Макса, картина отличалась зеркально. Нестеров владел контрольным пакетом везде, а пресловутый Монин, вместе с Тихомировым и Статным, наоборот – пакетом блокирующим. Статный занимал должность заместителя правления банка, а Алексей – заместителя генерального директора страховой компании. Оба получали зарплату, как ведущие менеджеры. Оба получали доходы от бизнеса. Все вместе дружили, но Алексей тяготел

к Нестерову и в работе, и по духу. Сергей Петрович Статный, самый старший из концессионеров по возрасту, Нестерова безмерно уважал, но держал нейтралитет. Монин же... в силу своего неумного, напористого, беспринципного характера и маленького роста, слыл «Наполеоном». Он старался доминировать, подчинять, зарабатывать больше остальных и никогда и никому не доверял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.